

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1867-й годъ*).

Объединеніе Царства Польскаго почти совершилось. Подчиненіе почтъ и казначействъ, преобразованіе налоговъ и введеніе мѣстныхъ управленій по Русскимъ образцамъ сближаютъ и введеніе Русскаго языка. Хорошій выборъ лицъ еще болѣе облегчилъ бы попытку обрусенія, но это-то и представляется весьма затруднительнымъ: жить посреди чуждаго, враждебнаго населенія вовсе не удовольствіе, а за это удовольствіе губернатору назначаютъ 5300 р. Коренныя реформы въ городахъ и въ земствѣ и теперешняя организація управленія дерутъ глаза Европейской журналистикѣ и поднимаютъ шумный говоръ въ собраніяхъ представителей. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но рѣшительныхъ мѣръ не приметъ никто. Если Наполеонъ выдвинетъ начало національностей и въ союзѣ съ Австріей предложитъ возстановленіе Польши въ границахъ 1770 годовъ, то Россія будетъ въ отвѣтъ съ Пруссіей, и война кончится присоединеніемъ восточной Галиціи. Австрія готова пожертвовать всей Галиціей, лишь бы отомстить Пруссіи; но сила Россіи и Пруссіи несокрушима, и самое предположеніе о возстановленіи Польши посреди трехъ великихъ имперій есть неисполнимая Польская мечта. Мы, Россія, во главѣ славянства, и двухъ головъ у одного организма быть нельзя. Можно было приводить основаніемъ наши плохія учрежденія; теперешняя ихъ организація устраняетъ и это основаніе. Остается уровень образованія вообще и просвѣщенія въ особенности. Общій уровень поднимается быстро, съ Февраля 1861 г., а при лучшихъ учрежденіяхъ, при свободѣ печати и

*). См. выше стр. 343.

гласномъ судѣ скорость этого подъема будетъ возрастать постепенно, и мы увидимъ націю, государство политически зрѣлое, а въ умственномъ отношеніи довольно отсталое. На оборотъ съ Германіей. Желательно бы было понизить подати и поборы; они очень тяготятъ народъ и вліяютъ на его косность и грубую жизнь.

Случайно встрѣтился я съ двуперекрещенцомъ, ст. ст. Д. Изъ администраторовъ католическихъ церквей на Сѣверѣ, онъ желалъ сдѣлаться Московскимъ львомъ и сдѣлался Московскимъ приживалкой-паразитомъ. Достаточно прочесть въ 4 т. „Вѣстника Европы“ статью его „о политикѣ Даніи при Фридрихѣ VII и о проч.“, чтобы составить себѣ понятіе о тщеславіи, дерзости и навязности этого двуотступника. Но разговоръ его о порочности Іезуитовъ, о пренебреженіи нашихъ Нѣмцевъ посланниковъ Брунова, Будберга, Убри къ церкви и духовнымъ лицамъ миссій, но рассказъ его о кн. А. М. Горчаковѣ (сказавшемъ, указывая на стаканъ чистѣйшей студеной воды: вотъ ученіе католицизма; оно есть чистѣйшее выраженіе Божьей истины и церковнаго закона), но несбыточные рассказы его о „частномъ корреспондентѣ Его Императорскаго Величества, издателѣ „Народнаго Голоса“ Юркевичѣ-Литвинѣ—все это наводитъ меня на другія мысли: какова должна быть эпоха и къ чему можетъ подготовлять и привести она, когда бродятъ и получаютъ вѣру такіе наглые эмиссары или спекуляторы и такіа нелѣпости и сказки! Въ этотъ же день я видѣлъ толпы народа у лавки Корещенко и три семьи, трясомыя лихорадкой въ ожиданіи телеграфической депеши о выигрышахъ лотерейнаго займа. Мнѣ стало страшно и отъ Д. . . . го, и отъ сказокъ, и отъ лихорадки.

„Во имя отца и сына и Св. Духа, аминь“, такъ начинается маститый голова Московской церкви воззваніе*) о пожертвованіяхъ въ пользу несчастныхъ Кандіотовъ. Воззваніе это, подписанное Филаретомъ, произвело сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и Петербургѣ и вѣроятно во всей Россіи и будетъ имѣть значеніе и политической демонстраціи и политическаго початка или инициативы. Да и пора. Существованіе Турціи несовмѣстно съ достоинствомъ Европы и ея могущественной образованности. Пора и намъ уничтожить трактатъ 1856. Пора устроить и дѣла на Востокѣ и дать подобающее значеніе бассейну Дуная и Чернаго моря—превосходнѣйшей мѣстности, коснѣющей при варварскихъ угнетателяхъ и изнуренныхъ рабахъ. По Дунай должна быть Россія, по Балканы—Сербія, за Балканами съ Архипелагомъ—Греція. Я не знаю тамошнихъ разграниченій и отношеній, но я сознаю до очевидности необходимость свободы и образованности въ этомъ несча-

*) Съ высочайшаго разрѣшенія, по письмамъ къ Валуеву и кн. Горчакову.

стномъ краѣ и начало соплеменности въ этомъ черезполосномъ феодальномъ, полуазиатскомъ устройствѣ. Мы не готовы, правда, ни съ новымъ оружіемъ, ни съ желѣзными дорогами, но все это второстепенныя причины. Главная причина—позоръ Парижскаго трактата всегда на лицо. Да и нежелательно и ненужно наше непосредственное вмѣшательство; нужно нравственное и денежное содѣйствіе единовѣрцамъ и невмѣшательство въ это дѣло покровителей Турціи. Разложеніе ея послѣдуетъ само собою. Оно уже началось при Екатеринѣ, какъ началось разложеніе Польши при Петрѣ. Турція не можетъ существовать самостоятельно. Ее слѣдовало бы раздѣлить, если бы жили въ 1772 г. Дѣлить ее не будутъ, но пусть предоставятъ собственной участи, и она распадется на части, части органическія, чисто христіанскія, способныя жить и развиваться, сначала въ образѣ союза, а потомъ и въ образѣ болѣе простомъ и крѣпкомъ, Славянскомъ и Греческомъ. Вотъ настоящее поприще для честолюбія великаго князя Константина или Николая Лейхтенбергскаго. Впрочемъ претендентовъ тамъ довольно, и Георгій, и Карлъ, и Михаилъ. Съ началомъ весны откроется война, а можетъ быть и не одна.

Былъ у меня сегодня товарищъ министра народнаго просвѣщенія Ив. Дав. Деляновъ и конечно не безъ цѣли. Я предупредилъ его, что прежде у меня было намѣреніе предложить мои услуги Министерству Просвѣщенія, но при нынѣшнихъ порядкахъ, когда положеніе попечителей чисто пассивное и иногда неловкое (что бы не сказать болѣе), я не думаю, чтобы мои услуги могли принести пользу. Деляновъ отвѣчалъ, что министерство знаетъ и чувствуетъ недостатки въ настоящихъ учрежденіяхъ просвѣщенія, но едва ли рѣшится на радикальныя перемѣны столь недавно изданныхъ уставовъ, и потому желаетъ восполнить эти недостатки общими распоряженіями, напр. о болѣе строгихъ испытаніяхъ при приѣмѣ, переходѣ и выпускѣ. Конечно это будетъ имѣть свою хорошую сторону, но подобныя мѣры легко обходить и еще легче обратить въ стѣсненіе и злоупотребленіе. Я вовсе не желаю быть на какомъ-нибудь юру. При частомъ колебаніи системъ, личности скоро стираются, и самая лучшая воля постоянно находится въ затрудненіи и нерѣшительности. Генералъ Левшинъ и помощникъ его Дашковъ передавали мнѣ, какъ неприятно ихъ положеніе и какъ сбивчивы и противорѣчивы распоряженія министерства, требованія уставовъ и условій мѣстнаго управленія. Впрочемъ военный генералъ имѣетъ какія нибудь права на свое положеніе, а его придворный помощникъ (братъ княгини Гагариной, друга Императрицы) никакихъ, и поэтому вовсе не удивительно, что главное гнѣздо преступной молодежи скры-

валось въ здѣшнемъ университетѣ и въ безцеремонной Петровской Академіи.

Деяновъ увѣрялъ, что здѣшніе профессора, даже Бабѣтъ и Чичеринъ, сдѣлались большими консерваторами. Научившись опытомъ въ Лазаревскомъ институтѣ, Бабѣтъ готовъ допустить строгія прещенія, даже розги („ихъ надобно драть“). Я не совсѣмъ вѣрю этимъ обращеніямъ. Хотя обращеніе Фритредера Бабста сдѣлано и печатно, но *timeo Danaos et dona ferentes*. Последнее сочиненіе Чичерина (о представительствѣ) конечно болѣе умѣренно. Что касается преимуществъ классическихъ гимназій, то министерство хотя встрѣчаетъ неодолимые препятствія въ пріисканіи хорошихъ учителей, но должно до нѣкотораго времени (ужь не до пріисканія-ли ихъ?) держаться этой системы, какъ основной мысли, принятой высшимъ правительствомъ. Вся надежда министерства—это строжайшіе экзамены*). На этомъ кончился нашъ довольно продолжительный разговоръ съ товарищемъ министра, который показался мнѣ немного чиновникомъ. Деяновъ обязанъ блестящею карьерою своею графу Блудову, у котораго онъ нѣкоторое время былъ фактотумомъ.

Петербургское земское собраніе закрыто, и самое положеніе приостановлено для этой губерніи. Земство крамольничало. Оно, особенно предсѣдатель управы, извѣстный либеральный цензоръ Крузе, подъ предлогомъ и видомъ отчета, критиковало и осмѣивало министра Валуева и шло съ нимъ на судъ въ Сенатъ, требуя: 1, чтобы законъ 21 Ноября 1866 (общій для Имперіи, о размѣрахъ земскаго налога на торговлю, промыслы и фабричныя зданія) былъ разработанъ земствомъ (слѣдовательно Всероссійскимъ) вмѣстѣ съ центральной администраціей. Это повтореніе крамолы Московской, и 2), чтобы земское собраніе печатало свои пренія и отчеты свободно, безъ цензуры. Но что же значить крамола гр. Шувалова, гр. Орлова-Давыдова и пр.? Или земство, не имѣя средствъ исполнить свое назначеніе, ищетъ удобнѣйшаго исхода изъ безвыходнаго своего положенія? Или здѣсь играютъ страсти соперничества и соревонованія личностей, или наконецъ (стыдно сказать) все это придуманная комедія. Магнаты наши, недовольные освобожденіемъ крестьянъ, мстятъ требовательностію, фронтѣрствомъ и дерзкимъ порицаніемъ. Еще менѣе сочувствуя другимъ либеральнымъ и пользуясь реакціею послѣ 4 Апрѣля 1866 г., они задумали комедію: подъ маскою либерализма вызвать эту реакцію на дѣйствительныя отмѣны и огра-

*) Едва ли эта основательная и законная мѣра приведетъ къ консервативнымъ мѣрамъ гр. Толстаго. Строгіе экзамены, это трудъ, а въ трудѣ никакая съ демократіей конкуренція невозможна.

ниченія недавнихъ учрежденій. Иначе понять нельзя агитацію съ именами Шуваловыхъ, Давыдова, Щербатова и подобныхъ. Забіяка Крузе тутъ въ сторонѣ; его только ловко пріискали; искреннимъ своимъ либерализмомъ онъ прикрывалъ узкій сервиллизмъ, такъ широко и высоко раскинувшій свои сѣти.

Всего страшнѣе за судебную реформу и за печать. Согласенъ, что и то и другое, по новости и рѣзкости перехода, грызутъ за живое; но и то и другое начинаетъ сглаживаться. Законъ о печати уже измѣненъ. Судебная реформа держалась Стояновскимъ. Стояновскаго выжили и замѣнили гр. фонъ-деръ Паленомъ, креатурою Валуева. Мнѣ извѣстно, что самъ Замятнинъ не приверженецъ реформы, но слухи и на его мѣсто пріискиваютъ гр. Левашева, которому принадлежитъ честь закрытія Петербургскаго земства. Это отъявленный крѣпостникъ и реакціонеръ съ придачею того безцеремоннаго произвола, какимъ отличались адъютанты покойнаго Николая. Я бы желалъ отъ реакціи одной услуги: чтобы она убѣдила всѣхъ, что всѣ наши реформы для насъ слишкомъ роскошны, и что мы жили и живемъ не по средствамъ нашимъ. Сама по себѣ реакція, какъ и всякая оппозиція, не есть зло; но она дѣлается зломъ, когда въ свою очередь нарушаетъ пріобрѣтенныя права и нарушаетъ свободно и безнаказанно въ странѣ, гдѣ политическій элементъ слабъ и гдѣ мыслящее населеніе такъ малочисленно.

Передавая доклады и журналы на постановленіе перваго департамента, за чѣмъ же отрѣшать предсѣдателя, увольнять всѣхъ и закрывать новыя и воскрешать закрытыя, отъ которыхъ и писцовъ не осталось? Молодому земству это ударъ чувствительный, и онъ отдастся повсюду.

Наступили холода страшные, ртуть мерзнетъ, газъ гаснетъ и птицы падаютъ. Бѣднымъ людямъ бѣдствіе. Мои крошки разнемоглись, вѣроятно отъ общаго состоянія атмосферы. Но эти крайности не помѣшали явленію, котораго скорѣе можно бы было ожидать въ Маѣ или на Югѣ. Митя и Тата поднесли матери свои сочиненія, которыя учитель нашелъ весьма хорошими, но Митя поднесъ и стихи. Записываю ихъ „для Исторіи“.

Кто насъ наставитъ на благое?
Кто въ нашемъ горѣ пособитъ,
Кто радоваться будетъ въ счастьѣ,
Коль будемъ честно жить?
Конечно мать....

Эти невинныя вирши доставили намъ большое удовольствіе. Много труда стоило мнѣ допытаться, какими путями дошла 11 лѣтняя головка до стиховъ и ихъ содержанія. Оказывается, что мысль зародилась послѣ

одной изъ прогулокъ со мною, когда я ему объяснялъ: что такое идеалъ и къ чему примѣняется это понятіе, присовокупя примѣры, идеалъ красоты, идеалъ матери, дѣтской любви и др. Мальчикъ—да и сестра едва ли не болѣе—очень воспримчивъ. Да сохранить ихъ Господь!

Въ городѣ общій говоръ все о Петербургскомъ земствѣ. Во времени радикальныхъ и быстрыхъ преобразованій естественны и раздражительность, и ошибка въ преувеличеніи. Петербургское земство забылось. Давыдовымъ и Шуваловымъ нужно было вызвать реакцію и ослабить ея всѣ либеральныя нововведенія. Крузе нужно было остудить нагрѣвшее сердце. Всѣмъ пріятно играть въ оппозицію, во фронду. Теперь Петербургскіе фрондѣры (да и Московскіе не менѣе) продолжаютъ агитацию и открыли подписку въ пользу Крузе, желая довести ее выше Комисаровской. О. И. Комисарову съ Апрѣля по 30 Декабря собрано только 34 т. р. Для Крузе не соберутъ и этого. Что непріятно въ этомъ фрондѣрствѣ, это личность. Въ собраніяхъ земства рѣчь заводили и о царскихъ маневрахъ, уничтожающихъ пажити „бѣдныхъ крестьянъ“, и даже о царскихъ охотахъ, требующихъ снесенія этой повинности съ „бѣдныхъ крестьянъ“ въ смѣту губернскую. Такъ, и въ подпискѣ Крузе замѣшали Комисарова. Я не желаю вѣрить этому и остаюсь при мысли, что цѣль нашихъ магнатовъ—вызвать реакцію и ослабить либеральное направленіе, недостаточно компрометтированное рескриптомъ 13 Мая. Ну, а займы земства?

Если Москва поражаетъ своею пустотою и сплетнями, то Петербургъ напротивъ—лихорадочною дѣятельностію и кознями партій. Большую силу имѣетъ теперь партія Шуваловыхъ, особенно шефа жандармовъ гр. Петра Андреевича Шувалова. Но не такъ возмутительны эти козни и сплетни какъ дерзость пройдохъ въ родѣ Д.... (см. выше). Во второй пріѣздъ свой онъ насказалъ старику Шипову (совершеннѣйшему Москвичу) о таинственныхъ отношеніяхъ издателя „Народнаго Голоса“, нѣкоего Юркевича-Литвинова съ самимъ Государемъ, котораго онъ „частный корреспондентъ“.

Теперь явился и самъ Юркевичъ-Литвиновъ и въ 2½ часовъ бесѣдѣ, какъ передавалъ мнѣ Шиповъ, объяснилъ ему свои отношенія. Онъ подавалъ Государю записку о замышляемомъ на его особу покушеніи гораздо ранѣ 4 Апрѣля и послѣ этого событія вошелъ и теперь состоитъ въ личныхъ отношеніяхъ съ Государемъ. Онъ уже неоднократно представлялъ Государю подробныя записки по разнымъ государственнымъ вопросамъ, чрезъ камердинера по извѣстному ему данному адресу. Такъ онъ отстоялъ золотые рудники и росыпи Сибири, которые рѣшено (будто бы) было продать Англичанамъ за сумму въ пятеро дороже нынѣ отъ золота получаемую государствомъ. Онъ выра-

жалъ свои мнѣнія о министрахъ, какъ Валуйевъ находится въ связи съ одною Полькою, живущею въ домѣ Утина, какъ Мезенцевъ кутитъ и взятки беретъ по III Отдѣленію. Онъ предлагалъ Шипову свое предстательство, обѣщая, что завтра же бумаги его (плоды его административнаго авторства) будутъ у Государя. Наконецъ онъ давалъ Шипову и самый адресъ. Все это пахнетъ какимъ-то секретнымъ агентствомъ, какимъ-то шпіонствомъ и низкимъ пронырствомъ. Почему Д. и Юркевичъ обратились къ Шипову, человѣку безъ всякаго значенія, мнѣ непонятно. Но тутъ непременно должна быть сѣть или паутина. Меня страхъ беретъ при одной мысли о возможности подобной махинаціи, съ какою легкостію онѣ проводятся и какъ незастѣнчиво.

Рѣчь полков. Полетики, на экономическомъ обществѣ, въ купеческомъ клубѣ въ Петербургѣ, объѣгаетъ всю Москву, и Полетика, уже угодившій намъ отвѣтомъ на рѣчь Молинари (въ „Московск. Вѣдомостяхъ“), дѣлается Московскимъ львомъ. Но рѣчь заключаетъ въ себѣ такія дерзкія выраженія, такую бранную критику нашего финансоваго управленія съ 1857 г., что не вѣришь себѣ, чтобы подобныя порицанія дѣйствіи правительства могли быть дозволены въ публичной рѣчи и потомъ напечатаны въ газетѣ („Москва“ № 14 Февраля) во всеобщее свѣдѣніе. Съ такими *клубными явленіями* не поздоровится ни кому, ни министру, ни вообще правительству, достоинство и авторитетъ котораго постоянно и постепенно подмываютъ. Мы живемъ во времена процвѣтанія *клубовъ*. Клубъ Ламанскаго требуетъ свободы торговли, клубъ Полетики требуетъ огражденія внутренней производительности и промышленности. Ораторы бранятся безъ застѣнчивости. Пожалуй, дойдетъ дѣло до дуэлей, не очень впрочемъ любимыхъ нашими любителями словопреній. Въ сущности, присмотрясь поближе, рѣчь Полетики есть личность противъ Евген. Ламанскаго. По поводу споровъ о желѣзныхъ дорогахъ въ 1857 г. назначено было въ пассажѣ публичное состязаніе, на которомъ Полетика велъ себя какъ школьникъ, что вынудило суперъ-арбитра этого состязанія Е. И. Ламанскаго замѣтить Полетикѣ неприличіе его поведенія и заключить свой судъ памятными словами: „нѣтъ, мы еще не созрѣли для публичныхъ преній“. Впрочемъ я уже неоднократно отмѣчалъ здѣсь объ общемъ раздраженіи умовъ во всѣхъ слояхъ и краяхъ нашего преобразующагося отечества. Крестьянскій вопросъ, дешевка, равноправность земства, свобода печати и суда все, и при томъ вдругъ, поставили вверхъ дномъ и выбили изъ колеи самыя скромныя существованія. Головокруженіе такъ велико, что все считается возможнымъ и всякія фантазіи осуществимыми. Все сдѣлалось нехорошо и все нужно передѣлать. Судя по *клубнымъ* знаменіямъ и земскимъ волненіямъ, мы накануне конституціи. Жалко и грустно видѣть, какъ запутывается

дѣйствительность этими отвлеченными, неожиданными и невыработанными, безъ подготовки, преобразованіями. Особенно жаль лицъ, требующихъ опеки и дисциплины и лишившихся ихъ спасительнаго вліянія.

Нѣсколько дѣлъ, кончившихся оправданіемъ подсудимыхъ, о Терентьевѣ (убійство для ограбленія), о Волоховой (мужеубійство) производятъ въ высшемъ обществѣ Москвы большіе толки, жалобы на новый судъ и даже опасенія за безопасность. Рѣшенія этихъ дѣлъ, особенно о Волоховой, дѣйствительно указываютъ 1), или то, что недостаточно обнаруживаютъ виновность при предварительномъ слѣдствіи, или 2), то, что палата недостаточно вникаетъ въ основанія преданія суду или наконецъ 3), присяжные пользуются слишкомъ широкимъ правомъ освобожденія, подчиняясь болѣе чувству жалости, нежели долга и опасаясь болѣе ошибки, нежели утверждаясь на необходимости наказанія виновнаго. Я думаю, здѣсь доля участія всѣхъ трехъ факторовъ, но преимущественно—слѣдователей. Они торопятся, увлекаются нравственнымъ, часто предвзятымъ убѣжденіемъ и свои впечатлѣнія, свои личныя убѣжденія переносятъ на присяжныхъ, становясь, такъ сказать, судьями и забывая, что обязанность слѣдователя есть обнаженіе всего событія до послѣдней подробности и до юридической достовѣрности. На слишкомъ большую быстроту у насъ рассчитывать никакъ нельзя, при нашихъ разстояніяхъ и бродячемъ образѣ жизни. Надобно думать, что опытъ послѣднихъ дѣлъ приведетъ палату къ этому возрѣнію, и она будетъ возвращать дѣла для дополненія.

За то прекрасно ведено дѣло и постановленъ приговоръ вполне удовлетворительно о студентѣ изъ дворянъ Алексѣѣ Даниловѣ, 19 лѣтъ, осужденномъ за убійство капитана Попова и служанки его, Нордманъ, на 9 лѣтъ каторги. Этотъ процессъ какъ бы примирилъ общественное мнѣніе о новыхъ судахъ, настроивавшееся подъ впечатлѣніями двухъ выше означенныхъ процессовъ.

Сегодня былъ у меня Орловскій губернскій предводитель А. В. Шереметевъ и описывалъ бѣдственное состояніе дворянства и особенно безвыходное положеніе такъ называемыхъ (прежнихъ) мелкопомѣстныхъ. Классъ этотъ, довольно многочисленный, теперь рѣшительно безъ средствъ и почти вынужденъ искать своего содержанія въ воровствѣ и грабежѣ. Эти дворяне, порочные дворовые, порочные солдаты и заштатные чиновники должны составить значительный контингентъ уголовнаго населенія, которое вообще очень многочисленно и грозитъ увеличиться и отъ смягченія наказаній и отъ растущей бѣдности, главной среды набора этого населенія. Имъ и въ Европѣ одно убѣжище,—соціализмъ или предпріятія Мадзини, Гарибальди или феніанизма. Скоро бѣдность по-

требуетъ законнаго признанія права стачекъ и дароваго существованія на счетъ имущихъ.

Я наконецъ видѣлъ „Гражданскій Бракъ“ Чернявскаго, имѣющей такой огромный и продолжительный успѣхъ въ обѣихъ столицахъ. За нѣсколько дней записываются на билеты. Успѣхъ, по моему мнѣнью, совершенно незаслуженный. Пьеса скорѣе подтверждаетъ, нежели отвергаетъ „женскій вопросъ“. Дядя (Самаринъ) прямо говоритъ, что въ Америкѣ вопросъ этотъ созрѣлъ, а въ Россіи поднимать его рано. Стало быть вопросъ только о времени. Старый слуга (Садовскій) разсуждаетъ, что „Гражданскій Бракъ“ въ *крестьянскомъ* быту непримѣнимъ, и что этотъ бытъ совершенно различенъ отъ дворянскаго. Стало быть, вопросъ о положеніи. Пьеса держится и имѣетъ успѣхъ исполнителями: Шумскій (глупѣйшая роль семинарскаго правоучителя), Садовскій, Федотова и лице самаго дурака-нигилиста (Вильде) разыгрываютъ превосходно и любимцы Московской публики.

Содержаніе очень просто. Глупенькій молодецъ журнальными фразами оболыцаетъ (какъ и чѣмъ именно?) глупую дѣвушку, бѣжитъ съ ней и потомъ бросаетъ ее для какой-то баронессы, помѣшанной на словѣ „рутина“, которое она бросаетъ всякому. Обманутая чахнетъ и умираетъ, произнеся какое-то длинное наставленіе негодяю, явившемуся къ часу смерти въ лохмотьяхъ. Но драма не въ содержаніи, а въ рѣчахъ трехъ резонеровъ—учителя, стараго слуги и дяди. Дядя, и особенно съ игрою Самарина, дѣйствительно выражаетъ современный бытъ нашъ, весь сумбуръ молодого переходнаго времени.

Сецессія шести лучшихъ профессоровъ Московск. университета: Соловьева, Бабста, Чичерина, Дмитріева, Капустина и Рачинскаго продолжается. Попечитель оставляетъ свой постъ, министръ не хочетъ входить въ сдѣлку, и такъ, главнѣйшія каѳедры ожидаетъ запустѣніе. Началь это дѣло Дмитріевъ протестомъ противъ выборовъ Лѣшкова въ заслуженные профессоры на 5 лѣтъ. Протестъ ни на чемъ не основанъ или основанъ на невѣрной ссылкѣ на X т. Свода (безъ указанія статьи, впрочемъ подходящей). Министръ (Головнинъ) утвердилъ Лѣшкова. По возвращеніи Чичерина изъ заграницы, онъ, по поводу этого же дѣла, вошелъ въ совѣтъ съ мнѣніемъ, и при преніяхъ почтенные педагоги напоминали не то бурсу, не то школьниковъ. Совѣтъ, по большинству, отклонилъ разсмотрѣніе дѣла, конченнаго министромъ. Недовольное меньшинство обратилось къ попечителю, и генералъ Левшинъ предложилъ совѣту войти въ разсмотрѣніе внесеннаго Чичеринымъ вопроса. Совѣтъ оставилъ предложеніе безъ послѣдствій, и дѣйствія Совѣта признаны правильными въ Петербургѣ. Тогда меньшинство подало въ отставку. Все это, говорятъ, игра или борьба партій, изъ которыхъ старая (ректор-

ская) подь совершеннымъ вліяніемъ Каткова (Леонтьева); а молодая, меньшинство, не желаетъ мать-игуменью (Баршева) въ ректоры и вообще желаетъ управленія и распоряженія по университету исключи- тельно и строго коллегіальнаго.

Я видѣлся съ генераломъ Левшинымъ. Онъ въ лихорадочномъ и жалкомъ положеніи. Онъ и князь Н. И. Трубецкой положительно обвиняютъ гр. Толстаго въ предательствѣ и въ подбострастіи Московской газетѣ. Они увѣряютъ, что министерскій отвѣтъ продиктованъ Делянову у Каткова-Леонтьева. Что „Московск. Вѣдомости“ имѣютъ большое вліяніе, это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что Головинъ и гр. Толстой подкупали Каткова разными предложеніями, это даже напеча- тано; но изъ самаго несвязнаго разсказа Левшина видно, что онъ вино- вать самъ: предлагая Совѣту войти въ разсмотрѣніе мнѣнія Чичерина, онъ дозволилъ себѣ сдѣлать всей коллегіи—замѣчаніе, не имѣя на то права. Вообще онъ сдѣлалъ на меня самое печальное впечатлѣніе. Не менѣе жалкое существо и ректоръ Баршевъ. И при такихъ личностяхъ ожидаютъ порядка! И въ какое время! Немудрено, что отношенія пу- таются, мелкія самолюбія сталкиваются, дрызги раздуваются въ толстые и знаменательные факты, а университетская молодежь страдаетъ. Вообще незапное появленіе журналистики, какъ силы, привело многія условія въ смѣшеніе и многія личности въ смятеніе.

Сегодня очень долго сидѣлъ у меня генераль-губернаторъ, нашъ роскошный князь Влад. Андр. Долгорукій. Онъ вялъ, женоподобенъ и ограниченъ. Конечно постъ его потерялъ прежнее значеніе, но то значеніе, которое можетъ поддержать щегольской генераликъ, постъ этотъ имѣть уже не можетъ. Къ означеннымъ качествамъ князь присоединяетъ то, что онъ трусовать и окольными дорогами любить заискивать въ писакахъ и въ журналахъ. Онъ доискивался, отъ чего бы мнѣ не принять мѣсто по- печителя университета? Я объявилъ ему тоже чтò и Делянову. Если Совѣтъ университета будетъ поставленъ въ зависимость отъ попечителя округа, то я готовъ потрудиться и особенно надѣюсь быть полезенъ для гимназій, гдѣ распущенность и нигилизмъ господствуютъ система- тически. Во всемъ разговорѣ князя столько мелочной растянутости, незрѣлости и незнанія государственнаго дѣла, что удивляешься, какъ не раскусилъ его Петербургъ, посылая на воеводство въ такую столицу и въ такое время! Въ немъ нѣтъ ни авторитета, ни хитрости, ни даже ловкости. Онъ неспособенъ ни на что рѣшиться, ничего отвергнуть, а только медленно и мягко жевать дѣло, пересышая самыми пошлыми Французскими прибаутками. Углубиться въ предметъ онъ не можетъ, а во всемъ, чтò выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ онъ видитъ только опасность неудачи или умысль компрометировать его поло-

женіе. Онъ хорошо угощаетъ обѣдами и раутами, прекрасно одѣвается и причесывается. Боже мой, какимъ людямъ поручаются такіе важные интересы и въ такое важное время!

Генераль Тотлебенъ присланъ сюда для образованія Московскаго отдѣла благотворительнаго общества для арміи. Общество должно обнять всю имперію и дѣйствовать на манеръ Прусскаго *Johanniter* и *National-Bank* (частное общество попеченія о больныхъ и раненыхъ во время войны). Предсѣдателемъ отдѣла митрополитъ. На дняхъ появится правительственное объявленіе о томъ, что Россія приступаетъ къ постановленіямъ Женевскаго кантона о госпиталяхъ и уходѣ и пособіи раненымъ во время войны. Извѣстно, что конгрессъ подводитъ эти учрежденія и лицъ, въ нихъ участвующихъ, подъ охрану международнаго права. Нельзя сказать, чтобы агитація Тотлебена привлекла многихъ участниковъ; всѣ жалуются на безденежье, и многіе видятъ въ новомъ обществѣ эксплуатацію, невольное пожертвованіе, облеченное въ довольно бюрократическія формы. Но митрополитъ и старые генералы заняты имъ и вѣрятъ въ успѣхъ, котораго я, старый генераль, не жду, потому что всѣ сколки и подражанія, какъ и всѣ наши теоретическія созиданія, не могутъ преуспѣвать, будучи чужды жизни и понятіямъ народнымъ, жизни бѣдной, понятіямъ, поглощеннымъ насущными требованіями. Герой Севастополя болѣе Прусака и дѣйствуетъ какъ истый *Johanniter*, пріѣхавшій изъ Берлина въ Петербургъ.

Старику митрополиту есть бы чѣмъ заняться и другимъ, если на 86 году могутъ люди заниматься дѣльно. Въ газетахъ развивается и разрабатывается въ Синодѣ и въ полемикѣ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ и семинарій и о прекращеніи духовнаго сословія какъ касты. Требуютъ и хотятъ сдѣлать, чтобы священники были не по назначенію, а по призванію, *par vocation*, какъ говоритъ Мишле. Андрей Муравьевъ сильно возстаетъ противъ этого. Всѣ газеты защищаютъ, и защищаютъ громко начало невмѣстности касты съ современною гражданственностію. Вотъ тутъ старику Филарету, съ его авторитетомъ и познаніями, есть достойное призваніе. Начала, вводимыя помимо историческаго пути развитія и внѣ постепеннаго его движенія, способны искажаться самымъ непредвидѣннымъ и самымъ уродливымъ образомъ. Въ 1860 годахъ въ Петербургѣ были въ модѣ благотѣльные Воскресныя школы, превратившіяся, къ крайнему изумленію правительства, въ открытыя каѳедры нигилизма и коммунизма. Нельзя не имѣть опасеній, что къ священству возымѣютъ призваніе такіе молодцы „Молодой Россіи“ или „Земля и Воля“ или „Свобода № 1 и 2“, социалисты и фанатики, которые вызовутъ расколъ повсемѣстный, дробный, превратятъ храмы Божіи въ аудиторіи и оперируютъ слѣпоту народную. такъ что

отъ вѣры и слѣда не останется въ потоцѣ разныхъ вѣрованій, убѣжденій и толкованій. Аматеры-священники превратятъ святое дѣло въ политическую пропаганду, и „батюшки“ будутъ артистами, учителями и пропагандистами. Начало призванія введетъ въ нашу церковь что-то лютеранское и лишитъ ее православія, охраняемаго единствомъ служителей и вѣками сложившейся вѣры, основанной на текстѣ Св. Писанія и обрядности служенія.

Несмотря на два лотерейные займа, на два виѣшніе займа, на выпускъ двухъ серій билетовъ казначейства, deficit въ государственной росписи смѣется надъ всѣми сокращеніями, входящими иногда до смѣшного (въ институтахъ), и правительство рѣшилось *in principio* продать Николаевскую желѣзную дорогу, чтобы продолжать начатую сѣтъ до Кіева и далѣе. Помогай Богъ и займамъ, и постройкамъ, но избави Боже отъ отчужденія. Странное предубѣжденіе господствуетъ надо мною. Я люблю и уважаю замышляемыя и исполняемыя преобразования и предпріятія, но я не вѣрю въ ихъ оконченность и въ ихъ пользу. Мнѣ кажется, мы непременно напутаемъ; мнѣ кажется, и блескъ судебной реформы и диктаторскія, революціонныя мѣры въ Польшѣ и въ Западныхъ губерніяхъ ни къ чему полезному не приведутъ. Усиленіе преступленій—разъ, раззореніе края—два. Мнѣ кажется, мы все дѣлаемъ вторые шаги, не сдѣлавши первыхъ и прыгая, идемъ невѣрно и непрочно. Такую же торопливость вижу я и въ постройкахъ желѣзныхъ дорогъ и въ выборѣ ихъ направленій. Мнѣ кажется, самый общій планъ главнѣйшихъ направленій не изученъ достаточно. Дорога на Либаву, съ Козлова на Воронежъ—это роскошь, а мы строимъ въ долгъ и съ гарантіями.

Мы подражаемъ Западу, болѣе нежели когда нибудь. Ничего самостоятельнаго, ничего истекающаго изъ своихъ родниковъ жизни. Непомѣрно быстрое движеніе наше на политическихъ поприщахъ самоуправленія и гласности обратится къ нашей же невыгодѣ. Засѣданія самоуправленій заняты обвинительными актами администраціи, колонны гласности дерзкою до самозабвенія полемикою мнимыхъ партій и разными обличеніями, гораздо болѣе враждебными, нежели *воровскія* обличенія „Колокола“. А между тѣмъ политическое это направленіе подрываетъ солидное добросовѣстное ученіе въ гимназіяхъ и университетахъ. Въ этомъ главная причина нашей отсталости, и она продлится, доколѣ не придемъ мы къ нормальному состоянію, когда постепенность успокоитъ умы, когда прочные порядки не будутъ грозить самымъ вѣрнымъ расчетамъ и когда твердость организаціи отвѣтитъ за его продолжительную и полезную дѣятельность.

Университетское дѣло разыгрывается дурно. Шесть лучшихъ преподавателей написали довольно рѣзкое письмо къ министру и, по моему, должны безповоротно выйти изъ учебнаго вѣдомства. Если письма не извращаютъ событій, то шесть профессоровъ совершенно правы. Къ нимъ присоединились Мюльгаузенъ и Буслаевъ, но эти двое прошеній объ отставкѣ не подавали. Говорилъ мнѣ (Левшинъ), что Буслаевъ въ Совѣтѣ и очень мирно заявилъ собранію, что онъ находитъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ университета быть подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ. Говорятъ, что Наслѣдникъ, встрѣтя графа Толстаго, сказалъ ему: „Вы смотрите, защитите моихъ Московскихъ пріятелей“. Мнѣ очень не нравится, что въ подобныя исторіи всегда замѣшиваютъ императорскую фамилію. Теперь, когда партія охранительная (олигархи) поднимаетъ голову, всѣ газеты сочли долгомъ своего служенія ополчиться на эту партію подъ видомъ разбора мнѣній газеты „Вѣсть“, и Катковъ написалъ нѣсколько весьма сильныхъ передовыхъ статей, назвавши покровителей „Вѣсти“ *врагами народа*. Слова народъ и нація, Россія стали употребляться чаще и рельефнѣе. Въ трехъ превосходныхъ статьяхъ (Ю. Ѡ. Самарина) въ „Москвѣ“, направленныхъ противъ пановъ и бароновъ, разбирается между прочимъ идея, какъ объединяющее начало, о *царь-дворянствѣ*, о царѣ, какъ первомъ служиломъ челоуѣкѣ и проч. Едва ли эти разсужденія принесутъ больше силы авторитету, и вовлеченіе царскаго чина въ газетную полемику сближаетъ мысль съ вопросомъ объ отвѣтственности верховной власти, по крайней мѣрѣ въ ея представителяхъ и исполнителяхъ. Ожидаютъ запрещенія „Москвы“; но и эти мѣры скоро пріѣдутся. Восторжествуй шестеро профессоровъ, и каѳедры готовы будутъ превратиться въ трибуны; побореть министръ, выхоть шести даровитыхъ преподавателей произведеть общее тяжелое впечатлѣніе, раздражить Московскую и другую молодежь и вызоветъ публичныя заявленія, для которыхъ нужны будутъ новыя изыятія, прещенія и строгости. Такъ неловко и неразумно ставить себя правительствомъ услужливыми какъ медвѣдь неспособностями. Оно безъ достоинства, безъ силы и безъ оружія. Финансовое разстройство дастъ событіямъ верхъ (или уже дало?) надъ властію, изнуряемою превратными и плохо обдуманнми направленіями, и—пошла писать! Правда, насъ спасаетъ невѣжество народа; но во-первыхъ, есть людъ и безъ народа, мѣщане, церковники, мелкіе дворяне, чиновники и бывшіе дворовые (ихъ много), а во-вторыхъ, донимають и народъ дешевкою и налогами. Преступность растетъ, самоубійства множатся, и самыя основы нравственности и порядка представляются очень сомнительными. Странное явленіе: свобода и образованность выражаются у насъ распущенностію и развращеніемъ. Никогда не было столько льготъ и никогда не было столько смертныхъ казней.

У насъ только и слышишь, что правительство тупо и глупо, и что оно или занимаетъ, или выпускаетъ бумажки, или продаетъ, вчерась Николаевскую дорогу, сегодня Сѣверо-американскія владѣнія. Все это не нормально и все это находить въ обществѣ плохой отголосокъ. Вообще, настоящимъ преобразованіямъ сочувствуютъ одни журналисты, и та небольшая партія, которая считалась при Николаѣ либералами, идеологами. Всѣ сословія ропщутъ; ропщутъ не на преобразованія, а на умаленіе благосостоянія. Прежде было больше довольства. А большинство наше, милліоны изъ насъ, прежде всякой свободы желаютъ обезпеченія матеріальнаго. Большинство—это народъ. Невѣжество его спасаетъ насъ, и всѣ эти разбрасываемыя прокламаціи, золотыя грамоты, пропаганда, представляются какими-то единичными, безсвязными явленіями. Народъ можно пошевелить мощною и мольбою. И этого-то главнѣйше надобно опасаться. Налоги дѣлаются несоразмѣрными съ крестьянскими средствами, экзекуція не приноситъ пользы, она только разоряетъ въ конецъ. Случись наводненіе, голодъ, должно ожидать явленій страшныхъ. Уголовная статистика подтвердитъ, что преступность развивается по мѣрѣ нужды и *льготы*. Молитва т. е. богослуженіе и проповѣдь—главная и единственная всенародная школа—тоже чаютъ опасности. Бояться должно, что народъ, при свѣтскомъ духовенствѣ, весь перейдетъ въ расколъ поповщины, какъ въ 1791 г. Французы содержали своихъ *безприсяжныхъ* священниковъ. Когда эти двѣ мѣры переполнятся, тогда народъ заговоритъ, и ослабленное въ силѣ и достоинствѣ правительство потеряетъ въ глазахъ его всякое значеніе.

Тутъ припомнить расточительность и мотовство правительства. Замѣчательно, что у насъ было это время два дѣла объ оскорбленіи величества, въ которыхъ крестьяне, на сходкахъ о недоимкѣ, называли Государя *мотомъ*. Тогда народъ припомнитъ и страшную роскошь Петербурга и воровства въ милліонахъ, совершенныя чиновниками, всѣ эти Клевенскіе, Политковскіе, Вердеревскіе, Гаевскіе и *tutti quanti*, мелкіе и крупныя. Въ самомъ дѣдѣ, украсть милліонъ, украсть *полтора милліона* соли, это возмутитъ хоть какое равнодушіе. Полтора милліона соли—это цѣлая гора, а надъ этими горами сидѣли губернаторъ, генералъ Одинцовъ и генералъ-губернаторъ генералъ-адъютантъ Огаревъ. Да кѣмъ же окруженъ Государь? Васъ обманываютъ! Въ эти одиннадцать лѣтъ сколько безвозвратно, непроизводительно и безслѣдно потрачено денегъ!

Редакція „Москвы“ въ 66 № 23 Марта дошла до послѣднихъ предѣловъ свободы, либеральничанья и цинизма. Разбирая циркуляръ цензурнаго комитета, вслѣдствіе требованія гр. Адлерберга (старога волокиты) о неприличныхъ отзывахъ печати про театры, редакція (не-

премѣнно И. Аксаковъ) предпослала самому разбору нѣсколько рѣзкихъ сужденій о несогласіи новыхъ порядковъ съ требованіями „репрессивныхъ старческихъ похотей“. Со времени женитьбы Аксакова на фрейлинѣ Аннѣ Тютчевой, перо его частенько выражается несовѣмъ галантерейно. Впрочемъ „Москва“ вѣрна и „Парусу“ и „Дню“. Аксаковъ неизмѣненъ. Жаль, что накликается на запрещеніе; точно, оно въ его видахъ.

Другой редакторъ, М. П. Погодинъ, тоже неизмѣненъ; онъ crescendo вѣренъ тому, что онъ былъ за 15, за 25, за 35 лѣтъ. Какъ я очертилъ его въ „Царь-Горохъ“ въ 1833 году, онъ такой растрепанный, невытѣтый, нечесанный и остался и остается. Онъ съ 13 Марта издаетъ недѣльную газету „Русскій“. Гораздо приличнѣе бы было назвать его народнымъ *Стенка-растрепка*. Боже мой, что это за газета! На какой-то оберточной бумагѣ, какимъ-то плохимъ шрифтомъ, со множествомъ опечатокъ и почти всѣ страницы (4 №№)—пера редакціи. А онъ все тотъ-же! Говорить обо всемъ спѣшно, поверхностно, жалко; путаетъ предметы, смѣшиваетъ обязанности, безпрестанный пафосъ, опять величіе, богатства Россіи, жителей сто милліоновъ, земелекъ не мало, Ташкентъ, Архангельскъ и Дербентъ, наши дипломатическіе чиновники при посольствахъ, наши царицы изъ Гречанокъ и слава Великорусскаго племени, и *bala* вмѣсто *fata* и *folla fougnée* вмѣсто *folle jougnée*, и отодрали бы его розгами, а не судить два часа, и представить бы сдѣлать расправу судебному слѣдователю—„и вся недолга“! Не вѣришь глазамъ. Точно человекъ не въ здоровомъ умѣ. Выбитый изъ колеи, Погодинъ дѣйствительно болѣнъ лихорадкою самолюбія; но я никакъ не ожидалъ, чтобы въ настоящее время онъ рѣшился писать и мыслить такъ безцеремонно и неряшливо. Онъ просто принимаетъ публику за свою семью съ ея прислугою. Такое служеніе вредитъ и дѣятелю. Впрочемъ онъ не можетъ быть опасенъ. Онъ рубить сплеча и хвалится Русскою силою и нашими богатствами. Опасны „Москов. Вѣдомости“, опасна „Москва“. Онъ часто говорятъ не разсудку, а страсти и первыя бросаютъ прямо въ лицо подозрѣнія и устрашенія, говоря съ авторитетомъ.

Прочелъ я драматическую хронику Островскаго „Самозванецъ и Шуйскій“. Это дѣйствительно не драма, а хроника, разговорная исторія по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (Костомарова и Бицына). Сочиненіе замѣчательное, прекрасно обработанное, иногда мастерски сгруппированное, но едва ли исторически вѣрное. Шуйскій представленъ героемъ, какимъ, кажется, не былъ, не умѣвъ справиться даже съ Тушинскимъ таборомъ. Монологъ его къ боярамъ, послѣ ссылки, исполненъ потрясающихъ впечатлѣній. Это одна изъ лучшихъ страницъ. Монологъ Дмитрія о томъ кто онъ—тоже хорошъ. Дмитрій представленъ умнымъ

и ловкимъ вѣтреникомъ, а кажется, послѣ столькихъ опытовъ, онъ могъ бы быть посолиднѣе. Разговоръ съ Мариной много теряетъ послѣ сцены у фонтана Пушкина, но исторически, кажется, правдоподобнѣе Пушкина. Дмитрій самъ не зналъ кто онъ. Въ отвѣтъ Марины о „безспорныхъ наслажденіяхъ“ есть что-то не дѣвичье и не 1600-е годы. Удивительно откровененъ герой Шуйскій. Уже при вѣздѣ Дмитрія онъ дѣлаетъ вслухъ ясныя намеки. Въ самомъ монолѣ выражается насмѣшка и жажда мести боярамъ. Въ Маѣ 1606 г. онъ привлекаетъ въ заговоръ не только бояръ, но и уличную толпу за недѣлю до возстанія. Сдается мнѣ, что въ сочиненіи есть и тенденція. „Смерть І. Грознаго“ графа Толстаго представляетъ бояръ какъ оплотъ престола и опекуновъ народа; здѣсь Шуйскій объясняетъ, что бояре дѣйствуютъ ложью, когда надо. Бояринъ говоритъ, что народъ—стадо! Поставить хронику на сцену можно, и эффектовъ будетъ много; но постановка обойдется дорого. Развѣ пригодятся декорации и костюмы драмы гр. Толстаго? Сомнѣваюсь, чтобы дирекція поставила. „Репрессивныя старческія похоти“ не захотятъ.

Этотъ же предметъ (Годуновская эпоха) подъ названіемъ „Смута“, обработалъ и еще съ бѣльшимъ знаніемъ исторіи (кромѣ Чаева) другой писатель—Вицынъ; но книга его, думаю я, будетъ имѣть успѣхъ посредственный. Языкъ лѣтописи тяжелъ для чтенія, темень, суховатъ. Здѣсь герой Шуйскій—просто баба, а настоящій герой—Ляпуновъ или Мининъ. Есть что-то возбуждающее въ этомъ сосредоточенномъ на народной эпохѣ изученіи смутнаго времени. Вызывается, выставляется народъ и одушевленіе, демократія и война. И въ самомъ дѣлѣ, въ воздухѣ пахнетъ народомъ и войною. При данныхъ льготахъ и вольностяхъ стыднѣ сносятся Парижскія невзгоды 1856 года и, пользуясь своими правами, печать хочетъ сослужить народную службу.

Газета „Москва“ получила третье предостереженіе и пріостановлена на 3 мѣсяца. Основанія выражены различныя и общія, и частныя, и мѣстныя. „Московскія Вѣдомости“ замѣчаютъ: „за №№, въ которыхъ опровергались извѣстныя тенденціи газеты „Вѣсть“. Эта война съ м. в. д. Валуевымъ довольно смѣлая; но справедливо ли это замѣчаніе? Нѣтъ. Статьи „Москвы“ относились къ Остзейскому краю и, писанныя Самаринымъ, имѣли всю поступь личности противъ Валуева, дѣйствовавшего въ краѣ съ указаннаго въ статьяхъ 1849 года. Къ этой личности присоединяется вѣроятно и другая: старческія похоти гр. Адлерберга. А все это имѣетъ источникомъ необузданное стремленіе Московскихъ газетъ глумиться надъ правительствомъ и несомнѣнное усиленіе реакціи. Если Московскія газеты безпрестанно толкуютъ о народѣ, о врагахъ его, то газета „Вѣсть“ такъ и сѣменитъ о революціонныхъ событіяхъ,

объ охранительныхъ началахъ. Походъ на „Вѣсть“ доказываетъ, что реакція дѣйствительно усиливается и, усилясь, надѣется окружить Государя своими людьми и съ помощію ихъ, съ малыми прибавками, измѣнить и земскіе и судебные порядки. Изъ Петербурга безпрестанно приходятъ слухи о перемѣщеніяхъ въ реакціонномъ духѣ: на мѣсто Мельникова—гр. Баранова, Милютина въ Варшаву, слабого Замятнина прочь. Они готовы были бы спустить и Рейтерна, да не обрѣтается въ рядахъ финансиста. Графъ Дм. Толстой консерваторъ изъ консерваторовъ. М. Лонгиновъ назначается—губернаторомъ*). Подождемъ 17 Апрѣля. Государь ѣдетъ въ Москву. Москва всегда имѣетъ вліяніе въ національномъ смыслѣ. Национальный смыслъ немножко патріархальный, помѣщичій; но осуществленіе нашихъ либеральныхъ реформъ совершенно такъ быстро, такъ круто, столько смѣшало и оскорбило столько привычекъ, положеній и вкоренившихся обычаевъ, что оппозиція патріархальнаго (разумѣется, теперь облагороженнаго) порядка должна принести свою долю пользы. Можно опасаться одного: какъ бы одностороннія помѣщичьи стремленія не повели дѣла своекорыстно и узко. Разумѣется, свободная печать не допустила бы этого, но допустить ли свободную печать?

Вотъ обнародована и государственная роспись на 1867 годъ. Она весьма замѣчательна. Во-первыхъ, бюджетъ Царства введенъ въ общую роспись, хотя частію, въ видѣ отдѣльнаго параграфа. Во вторыхъ, значительно увеличены прямые налоги. Въ третьихъ, увеличивается значительно и процентный долгъ. Въ 1867 году числится процентовъ 75 милліоновъ. Уменьшилась сумма акциза съ вина. Аренды требуютъ 2 мил. Пенсіи—17 мил. Возвышеніе налоговъ—мѣра въ высшей степени непопулярная. Народъ начинаетъ роптать. Въ виду недоимки и, пожалуй, „доимочный приказъ“. Конечно есть заработки—земляныя работы на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ; но эти мѣстные заработки далеко не такъ выгодны, какъ это можетъ казаться, и при томъ же крестьяне находятъ тутъ соперничество въ штрафныхъ солдатахъ и арестантахъ. Будь неурожай, приди война, недоимки въ прямыхъ налогахъ удвоятъ, упятятъ 4 мил. предположенные въ росписи. Проценты по внѣшнимъ займамъ, не покрываемые Сибирскимъ золотомъ, еще болѣе понизятъ нашъ бумажный рубль, и теперь стоящій уже 320 сантимовъ.

*) Я потому упоминаю здѣсь о М. Лонгиновѣ, что этотъ извѣстный крѣпостникъ, говоря со мною зимою 1866 г. о необходимости оппозиціи правительству, закончилъ такъ: „Что же дѣлать, если все правительство наше состоитъ изъ революціонеровъ!“ Теперь г. крѣпостникъ составляетъ часть этого правительства. Я, собственно, вижу въ этомъ болѣе случайность, нежели послѣдовательность системы.

Ожидали сокращеній. Но какія могутъ быть сокращенія при общихъ преобразованіяхъ, при затратахъ на новыя орудія, при общемъ возвышеніи окладовъ жалованья? Отъ скромной (не очень скромной) цифры 1855 года 264 мил. дохода смѣта на 1867 годъ ожидаетъ дохода 397 миллионѣвъ, и это въ 12 лѣтъ! Нормальный расходъ (до войны) 1840-хъ и 1850-хъ годовъ требуетъ, уже думая о войнѣ—огромной суммы 280 мил. А теперь, на 1867 г. со всеми сокращеніями и безъ приготовленій къ войнѣ, этотъ нормальный расходъ, *по росписи 1867 г.*, исчисленъ въ 444 миллиона! Но сколько передержится—неизвѣстно. А остановиться трудно, невозможно. Много характера, силы воли нужно для поворота къ нормальнымъ исчисленіямъ. Радикальныя реформы всегда ведутъ къ неумѣреннымъ тратамъ, ибо на нихъ основывается успѣхъ этихъ реформъ. Бюджетъ Петра I-го былъ едва ли въ 4 миллиона, но народъ тяготился налогами и называлъ великаго дѣятеля порожденіемъ сатаны, антихристомъ. Народъ уже ропщетъ и теперь. Онъ обвиняетъ Петербургъ въ мотовствѣ, и гласные изъ крестьянъ открыто говорятъ въ земскихъ собраніяхъ, что сборы дѣлаются невыносимыми. Будь еще внутренній заемъ—торговля станеть; она и теперь остановилась на главнѣйшихъ ярмаркахъ, въ Нижнемъ, въ Полтавѣ, въ Ростовѣ, въ Ирбитѣ. Въ нуждѣ и бѣдности просвѣщеніе не пойдетъ. Онъ ведутъ къ преступленіямъ и преступленіямъ наглымъ.

Апрѣль. Сегодня обѣдалъ у меня финансистъ (герой протекціонистовъ), возвратившійся изъ Петербурга *), гдѣ онъ представлялъ ходатая за фабричныхъ и получилъ обѣдъ съ рѣчью Полетики. Уши вянутъ, слушая его рассказы о томъ, какъ выходятъ по жребію 5% билеты („да вѣроятно и лотерейныя“) и какъ своекорыстно дѣлаются заграничныя операціи, теперь выдѣленные изъ вѣдомства Банка.

Продана Русская Америка, продается Николаевская дорога, компанія отказывается отъ проведенія телеграфа черезъ Сибирь, Берлинскіе капиталисты отказываютъ въ ссудахъ на земскія дороги, Рейтернъ и Гротъ предсказываютъ deficit въ акцизномъ сборѣ до 25 мил. Обѣщаютъ новый заемъ, грозятъ войною. Ничто не страшно. Никакія явленія не страшны, страшны ихъ причины и послѣдствія. Важно то, какъ продать, на какихъ условіяхъ. Вообще пора бы постановить законъ о порядкѣ отчужденія государственной собственности. Я написалъ объ этомъ большой трактатъ въ Министерство Госуд. Имуществъ, но въ ходъ онъ не пошелъ: тогда въ ходу была раздача казенныхъ земель. Я предполагалъ предоставить это общему собранію Сената и Государственнаго Совѣта, по выслушаніи мнѣній отъ сословій мѣстности, гдѣ

*) Александръ Павловичъ Шиповъ.

находится имущество. Вообще, у насъ важнѣйшія дѣла совершаются довольно несложно, единолично и безъ особенныхъ гарантій обдуманности и отвѣтственности. Чтобы получить св. Станислава 4 степени, нужно три представленія, извѣстныхъ условія, положенія комитета всѣхъ министровъ и высочайшее его утвержденіе; а чтобы получить 22 т. десятины (цѣлый Лихтенштейнъ) достаточно доклада генераль-майора Зеленаго и его же подписи: высочайше повелѣно исполнить. Такъ иногда по личному докладу и единоличному рѣшенію возвышаются (и какъ!) и устанавливаются подати, какъ это было въ 1859 г. о возвышеніи оброчной подати и установленіи лѣсной. Всѣ хотятъ выслужиться и нажитья, а достоинство, уваженіе и охраненіе царской власти намъ ни по чемъ. О государствѣ, объ отечествѣ только говорятъ. Надобно надѣяться, что гласность выработаетъ болѣе отчетливости и добросовѣстности въ нашей частной, общественной и государственной сферахъ. Дай Богъ! Но я опасуюсь и послѣдствій искаженія гласности. Гласная чернота—это уже цинизмъ, гласный порокъ—это уже безстыдство, гласный обманъ—это уже ремесло. Гласность есть отчетъ суда обществу, общественному мнѣнію. Общество есть сложившійся организмъ, а общественное мнѣніе есть окрѣпнувшее понятіе объ общихъ предметахъ. Сложиться организму можно въ извѣстныхъ рамкахъ и при извѣстныхъ условіяхъ, которыя у насъ можно найти городахъ въ пяти-шести. Какое общество во Владимирѣ, въ Вѣлозерскѣ, въ Ладогѣ? Въ Петербургѣ есть общество и должны бы быть окрѣпнушія понятія объ общихъ предметахъ; между тѣмъ посмотрите: Протопоповъ ударилъ въ лицо главнаго своего начальника гр. Коскуля за то, что опредѣленъ помощникомъ гр. Комаровскій. Публика аплодируетъ защитнику, она аплодируетъ оправданію Протопопова присяжными. Предсѣдатель приказалъ публикѣ оставить залу. Аплодируя и выходя изъ залы (пишутъ мнѣ) многіе громко говорили, кричали: „такъ и надобно этимъ Нѣмцамъ“ (гр. Коскулю), или „графы-монополисты“ (Сиверсъ, Коскуль и Камаровскій). Какое же это окрѣпшее понятіе о томъ, что „никого, а тѣмъ менѣе начальника, бить не слѣдуетъ?“

Телеграммы о войнѣ изъ Люксембурга перекрещиваются, мѣняются и маскируются. Дѣло придумано дѣйствительно запутанное. Въ Лондонскихъ конференціяхъ въ 1831 г. Люксембургъ былъ раздѣленъ на двѣ части, и *Французскій* назначенъ былъ Бельгіи, а другая половина меньшая, *Нѣмецкая*, Голландіи. Когда наконецъ и Голландія, въ 1839 г., приступила къ этимъ конференціямъ, то въ окончательномъ трактатѣ, въ отношеніи Люксембурга, пояснено, что король Голландскій войдетъ въ соглашеніе „съ Германскимъ союзомъ и агнатами Нассаускаго дома“. Теперь нѣтъ ни союза, ни Нассаускаго герцогства. Ихъ представляетъ

Пруссія, гр. Бисмаркъ. Уже одно то обстоятельство, что Прусскій гарнизонъ остался и остается въ крѣпости и по выходѣ Люксембурга изъ союза, доказываетъ, какую важность прилагаетъ Пруссія этому пункту. Важенъ онъ и для Франціи, какъ стратегическій пунктъ и какъ начало аннексіи Бельгіи. Поэтому война вѣроятна, и обращеніе къ державамъ Лондонскихъ конференцій есть просто отсрочка для окончанія вооруженій. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція заручилась Голландіей и Австріей. Наполеонъ такъ много имѣлъ неудачъ, и такъ упало его обаяніе, что ему нужны блескъ, громъ и слава, чтобы держать въ рукахъ славолюбивую націю. Но тутъ, кажется, ожидаетъ его „еще ошибка“ и послѣдняя неудача. Люксембурга ему не дадутъ, и Пруссіи ему не побѣдить. Первенствующая на материкѣ держава перестаетъ быть ею: во всѣхъ отношеніяхъ Франція второй имперіи оказывается несостоятельною. Но для окончательнаго сокрушенія революціонныхъ династiovъ едва ли не потребуется участіе Россіи. Нежелательно. И Франція, и династы падутъ сами. Намъ желателенъ миръ для приведенія въ порядокъ финансовъ и для развитія и водворенія нашихъ новыхъ порядковъ. Осуществивъ это, черезъ 10—15 лѣтъ, насъ узнать будетъ трудно. Явится плотное, объединенное великое государство, которому въ братскія объятія побѣгутъ всѣ Славяне и которому протягиваетъ руку дружбы могущественная республика Новаго Свѣта.

Пріѣздъ и пребываніе Государя съ Цесаревичемъ, Цесаревною и Владимиромъ (съ 21 Апрѣля по 1-е Мая) оживили нашу Москву и многихъ изъ насъ, мирныхъ жителей, замучили встрѣчами, представленіями, *baise-main*'ами, балами и обѣдами. Обѣдъ былъ впрочемъ одинъ во дворцѣ (подрядчика Ташкина, по 12 рублей съ персоны и съ винами), балы у генераль-губернатора (богатый, блестящій и съ ужиномъ), отъ дворянства (обѣднй, въ плохихъ залахъ и безъ ужина) и во дворцѣ. Купечество построило павильонъ въ Сокольникахъ. Время очень дурно. Грязь, слякоть, дождь, морозъ и снѣгъ. Мостовыя ломаютъ экипажи. Государь застрѣлъ, ѣхавъ въ институтъ. Я участвовалъ во всѣхъ собраніяхъ, и для меня это было настоящая служба, тяжелѣ сенатской. Цесаревна очень молода и очень мила; ручка ея—ручка ребенка; необыкновенно чисты и ясны ея черные глаза: туалеты, особенно брилліанты чрезвычайно роскошны. Разказовъ объ ней никакихъ нѣтъ, ни о вопросахъ, ни объ отвѣтахъ, ни о наблюдательности. Вѣздъ ея 21 Апрѣля и особенно отъѣздъ, 1 Мая, въ Сокольники и на станцію были великолѣпны. Сплошныя массы народа стояли по сторонамъ стѣною, полками, горами. Иллюминація удалась вполне, павильонъ купечества былъ драпированъ и иллюминированъ превосходно.

Такъ торжествовала старая столица знакомство свое съ Цесаревной. Она, „голубушка“, постоянно была здорова, весела, любознательна и внимательна. Она отозвалась (будто бы), что Москва понравилась ей болѣе Петербурга (сомнительно, послѣ величавой встрѣчи ея въ Петергофѣ, Царскомъ и Петербургѣ, съ дворомъ, гвардіей и дипломатами) и что она полюбила Москву. Это очень вѣроятно. Въ Москвѣ она была полною хозяйкой, исключительнымъ предметомъ любопытства, всякаго вниманія и всѣхъ манифестацій. Въ Петербургѣ нѣтъ краснаго крыльца съ царскою площадью и соборами и всѣмъ Кремлемъ. Святыня эта вліяетъ на глубокое чувство религіозности. Нѣжность Государя къ ней видна на каждомъ шагѣ; я не видѣлъ, чтобы Цесаревна хотя бы словечкомъ обмѣнялась съ мужемъ. Вообще онъ былъ скромнень и молчаливъ, стараясь постоянно ступшевываться. Я сей часъ (10 часовъ) изъ Сокольниковъ и записываю это памятное время. По обыкновенію сыпались награды, шифры, аренды.

Всѣ толкуютъ объ ожидаемыхъ реакціонныхъ мѣрахъ. Но въ чемъ же онѣ могутъ быть? Ихъ легко достигнуть двумя путями: назначеніемъ на мѣста лицъ извѣстнаго положенія и направленія и возвышеніемъ ценза при всякихъ выборахъ, присяжныхъ и гласныхъ. Такъ, но согласится-ли высшій цензъ служить, трудиться? Едва-ли. Служить и трудиться наши высокіе цензы не привыкли, они любятъ столичные удобства и легенькія достиженія. Могутъ ограничить судъ! Но какъ? Перепортивъ? Въ судахъ желательно бы видѣть болѣе строгій выборъ въ назначеніи лицъ. Старшій предсѣдатель Полѣновъ жаловался на невѣжество и неопытность членовъ палаты. Здѣшній прокуроръ палаты Ровинскій жилъ открыто со вдовою своего брата и теперь, перессорившись съ ней, бѣжалъ изъ своего дома и поселился въ № Кокорева. Въ провинціи члены окружныхъ судовъ изъ рукъ вонъ плохи. Я съ своей стороны, въ письмѣ отъ 17 Апрѣля на имя гр. Викт. Никит. Панина, какъ главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, обратилъ вниманіе на сильно увеличивающееся число преступленій. Ихъ напримѣръ было:

	1860.	1861.	1862.	1863.
Число подсудимыхъ вообще	407,927,	450,462,	474,518,	488,452.
Въ томъ числѣ временно-обязанныхъ	19,600.	22,681.	24,964,	27,000.
Осуждено: за преступленія противъ верховой власти	47,	65,	172,	4,785.
Осуждено: противъ органовъ сей власти	2,701,	2,769,	3,753,	3,951.
Осуждено: на смертную казнь. . .	7,	7,	15,	287.

Я приписываю значительный процентъ этой массы, между прочимъ, дурной системѣ нашихъ наказаній (которую всю исковеркали позднѣйшія послабленія) и недѣйствительности наказательныхъ нашихъ учрежденій, для улучшенія которыхъ ничего не сдѣлано. Завелась хорошенькая тюрьма для арестуемыхъ мировыми судьями, да предположены пріюты для малолѣтокъ. Немного. Не знаю, какъ взглянетъ на мои соображенія ех-главноуправляющій, но думаю, что я исполнилъ долгъ свой, указавъ на явленія, основанныя на официальныхъ источникахъ (Статистическій Временникъ Мин. Вн. дѣл.). Я полагаю, что цифры послѣднихъ годовъ, 1864—1866, еще болѣе подтверждаютъ, что мы находимся не въ нормальномъ состояніи и что продолжительная ненормальность грозитъ изуродовать весь организмъ. Ну, а если эти соображенія примутся къ подкрѣпленію реакціи? Такъ что же? Это усилить ненормальность, и только.

Май. Все толки объ обрусеніи Западныхъ губерній, объ учрежденіи ссудныхъ банковъ и комисіонерныхъ развѣдокъ, о покупкахъ съ пособіемъ и льготами частныхъ имѣній. Все это похоже на кукольную комедію. Край въ осадномъ положеніи, принципъ національностей въ Европѣ въ полномъ разгарѣ, баронъ ф. Бейстъ кокетничаетъ съ Поляками, газеты трубятъ на всѣ стороны и ожидаютъ малѣйшаго случая, чтобы провозгласить законность правъ Поляковъ; а въ краѣ военныя власти, безпрестанно мѣняютъ главныхъ начальниковъ, назначаютъ дискреціонныхъ посредниковъ, истощаютъ имѣнія, разрушаютъ хозяйства и не даютъ жителямъ ни судовъ, ни земства, которые внесли столько жизни въ коренныхъ губерніяхъ. Ну кто же захочетъ покупать? Да и на какіе капиталы? Да и самое передвиженіе капиталовъ, столь нужныхъ намъ, не остановитъ-ли нашихъ дѣлъ? Все это ненормально и не только неисполнимо, но положительно вредно, если бы исполнилось съ усиліями правительства и ярушеніемъ правъ третьихъ лицъ. Поляковъ и Католиковъ выслать и искоренить нельзя. Остается—дать имъ заслуженное ими положеніе, т. е. не предоставлять никакихъ политическихъ правъ. Придетъ время, окрѣпнуть узы, ослабнуть предубѣжденія, и тогда можно постепенно распространять права эти и на нихъ. Достаточно ввести въ присягу на службу: „исповѣдаю ученіе церкви по символу вѣры Никейскаго собора“. Революція нашла себѣ проводниковъ и пособниковъ не столько въ землевладѣльцахъ, сколько въ администраціи. Сколько напроказилъ одинъ Огрызко! Какъ не вѣрилъ я умиротворенію Муравьева, такъ не вѣрю и блестящимъ результатамъ Безака. Какъ не вѣрю прочнымъ послѣдствіямъ отъ штыковъ и произвола, такъ не вѣрю полезнымъ послѣдствіямъ принудительнаго отчужденія имѣній. Стройный и твердый порядокъ въ этихъ губерніяхъ и

возвышеніе просвѣщенія въ Россіи вотъ единственные пути прикрѣпленія нашихъ окраинъ къ коренному центру, гдѣ сплошная масса 55 милліоновъ только ждетъ просвѣщенія, чтобы разлиться и потопить эти народности въ Русскомъ морѣ. Послѣднія преобразованія въ Польшѣ въ городахъ и въ крестьянскихъ земляхъ, самое раздѣленіе губерній и ихъ подчиненіе много должны отрезвить Поляковъ и наши Западныя провинціи. Но дайте просвѣщеніе, гимназій, университетовъ и правильнаго, нормальнаго порядка. До сихъ поръ я вижу осадное положеніе, странное увеличеніе бюджетныхъ цифръ и долговъ, страшное распространеніе дешевки и преступленій и игру въ счастье.

Все празднества! Едва прошли шумные пиры Цесаревны, наступила выставка этнографическая, пріѣхали Славяне, человекъ 70—80, отъ Кошуба до Далмата (ни одного Болгарина). Манифестаціи задушевные, широкія и громкія! Событіе чисто политическое, вызывающее и—какъ всегда у насъ—преувеличенное. На границѣ путешественники были встрѣчены депутаціей Русскаго Варшавскаго общества, и отсюда поѣздка ихъ превращается въ триумфальный поѣздъ съ толпами народа, криками „ура, слава и живіо“, съ парадными встрѣчами въ мундирахъ и съ хлѣбомъ-солью, съ рѣчами и спичами и съ стихотвореніями, изъ которыхъ особенно удачны: Берга въ Варшавѣ, Тютчева и Майкова въ Петербургѣ. Рѣчи—кромѣ рѣчи графа Д. А. Толстаго—почти невольны, исключительно національно-политическія. Стихи просто политическіе. Изъ извѣстныхъ дѣятелей пріѣхали: Палацкій, Ригеръ, Эрбенъ, Головацкій.

Рѣчи наши и ихъ отличаются большою теплотою и восторженностью. Этотъ Славянскій праздникъ многознаменателенъ по сближенію и союзу всѣхъ Славянъ съ Россіей, при нравственной поддержкѣ которой угнетаемая племена съ болѣею выразительностію и силою готовы поддерживать свою самостоятельность противъ Мадьяръ и Нѣмцевъ. Желательно, чтобы сближеніе это было не на однихъ словахъ, но и на *буквахъ*. Принятіе нашего алфавита много облегчитъ литературное сближеніе и сгладитъ племенную рознь всѣхъ Славянъ; особенно важно это въ отношеніи Сербовъ, Иллировъ и Чеховъ. Принятіе нашего языка, по мнѣнію моему, рѣшительно невозможно: ни Чеха, ни Сербка и намъ, людямъ образованнымъ, понять нельзя.

Завтра Славяне пріѣзжаютъ въ Москву. Что-то сможемъ мы сдѣлать послѣ богатствъ, блеску и изяществъ Петербурга, такъ много поглащающаго Россію? Москва—Русскій, Славянскій городъ. Здѣсь Кремль и Славянская натура. Да, но не должно забывать, что *Западныя* Славяне—западники и болѣе Нѣмцы. Все возмемъ и угощаемъ Славянъ. Палацкій очень сдержанъ, Ригеръ не скрываетъ желанія выказать свое

западное превосходство. Головацкій такъ заговорился, что едва-ли не придется ему остаться у насъ. Говорять, что это уже и устроено министеромъ просвѣщенія.

Всѣ Славяне. Общеніе радушно. Особенно чувствительны и сочувственны Сербы. Всѣ Славяне. Но манифестаціи открыто принимаютъ характеръ политической. Сегодняшній обѣдъ въ павильонѣ—просто политической митингъ. Рѣчи Ригра и кн. Черкаскаго за и противъ Поляковъ, послѣ—всегда безтактнаго Погодина и, кажется, по предварительному условію, были неумѣстны и очень непріятны: рѣчь Ригра—по несоотвѣтствію настоящаго расположенія Русскаго духа, возмущеннаго Польскими жестокостями, рѣчь Черкаскаго—по недобросовѣстности доводовъ, имѣвшихъ видъ насмѣшки надъ побѣжденными. Лежачаго не бьютъ, говорятъ Русская пословица *).

Вообще Славянскій съѣздъ имѣетъ совершенно политической характеръ, какъ по прямымъ воззваніямъ Сербовъ и Болгаръ къ Русской помощи, такъ и по невольному положенію Славянъ Австрійскихъ и по личному значенію ихъ представителей. Въ Австріи съѣздъ этотъ вызоветъ бурю насмѣшекъ и негодованія, фантомъ панславизма, пугающей не одну Австрію, и усиленное ложное отношеніе Славянъ къ дуализму Австро-мадяровъ и наоборотъ. Безъ общаго съ нами алфавита и языка (скажу болѣе: безъ соединенія съ нами) Австрійскіе Славяне предназначены ошѣмечиться. Жаль, но законы исторіи свои, и ломаетъ ихъ только революція.

Амнистія! Все амнистія! Чтò значитъ эта щедрость помилованій? Мщеніе правосудія? Мзда несправедливости? Раскаяніе ошибки? Не понимаю. И почему этотъ актъ присланъ съ границы, изъ Вержболова? Всѣ порицають поѣздку въ Парижъ, къ ненавистному Русскимъ Наполеону, Парижъ, скопище Поляковъ. Амнистія 20-го Мая задобряетъ Европейское мнѣніе. Но развѣ амнистія порождаетъ преданность, признательность и привязанность? Никогда. Она пробуждаетъ ненависть и мщеніе. Она доказываетъ слабость и даетъ убѣжденіе въ правотѣ вражды и несправедливости потерпѣннаго. Прощенные всегда зачинщики возстанія и крамолы. Пора бы это знать.

Вообще, радикальныя и непослѣдовательныя мѣры настоящаго царствованія грозятъ непредвидимыми бѣдствіями. Чтò-то ужъ слишкомъ

*) Кн. Черкасскій выдалъ, что положеніе Поляковъ лучше нашего: у нихъ 24 гимназій на 10 (5) губерній и съ души платится не 6 1/2 р., а только 4 1/2. Въ „Статистическихъ свѣдѣніяхъ“ Воейкова и Загоскина говорится: Поляки въ югозападномъ краѣ платятъ податей отъ 35 до 40 коп. съ десятины; въ Галиціи податей поземельныхъ приходится по 56 коп. на десятину, а въ Царствѣ Польскомъ помѣщики платятъ до 63 к. съ десятины.

много и добра и славы. Добро и слава не даются ни легко, ни даромъ. Иначе онѣ теряютъ свое достоинство и смыслъ, а за тѣмъ унижаютъ истину и искажаютъ дѣйствительность.

Говорятъ, что амнистія 20 Мая выработана гр. Шуваловымъ, мимо князя Горчакова. Она принята въ Москвѣ очень неблагоклонно. Боже мой, какъ все не зрѣло, какъ все—призраки. какъ во всемъ мало самостоятельности и какъ все малоплодно!

Покушеніе Березовскаго, 25 Мая! Дайте опомниться. Не предчувствовали ли мы это при первомъ извѣстіи о повѣздкѣ въ Парижъ? Боже мой, да этакъ помирись съ идеей о смерти. Въ реформахъ, агитаціяхъ и манифестаціяхъ голова кружится, вѣра умалется, а тутъ покушеніе на цареубійство. Надобно же наконецъ вникнуть въ источникъ и причины такового фанатическаго настроенія. Я не вижу другаго источника какъ крайнія, диктаторскія мѣры, которыя такъ неблагоприятно и такъ бесполезно принимаются радикалами. въ родѣ Ник. Милютина и Якова Соловьева. Уничтоженіе особой организаціи Царства. рѣзкая отмѣна феодальныхъ остатковъ и укрѣпленіе земли крестьянамъ. особенно произвольное распоряженіе собственностію въ западныхъ губерніяхъ, привели и приводятъ Поляковъ въ такое безнадежное положеніе, отчаянное положеніе, что имъ продерзость является. вмѣстѣ съ ложью и хитростью, единственнымъ исходомъ. Въ закружившихся головахъ невольна мысль о паденіи. Я не думаю, чтобы Французская полиція открыла заговоръ. Если бы она и открыла его, она его скроетъ, и падетъ одна голова Волынскаго шляхтича Березовскаго. А безъ заговора мелкая личность дѣйствовать не рѣшится. Здѣсь непременно была шайка, сговоръ, какъ и у Каракозова, хотя связи между ними никакой нѣтъ, но въ убійствахъ политическихъ побужденія всегда скрываются или въ фанатизмъ или въ угнетенной партіи. Бывало побужденіемъ и престолонаслѣдіе, но не здѣсь.

Блестящіе приемы, торжества (праздникъ Датской конституціи Фридрихъ VII) и народныя манифестаціи продолжаются еще сильнѣе послѣ 25 Мая (6 Іюня), и Березовскій плохую услугу оказалъ Польскому дѣлу. Государь ведетъ себя по рыцарски. Онъ ѣздитъ въ открытомъ экипажѣ, верхомъ, ходитъ пѣшкомъ. твердо вѣря, что „судьбы государей въ рукахъ Божіихъ“ и надѣясь, что „это событіе еще болѣе укрѣпитъ его связи съ императоромъ и Франціей“.

Награды сыплются: звѣзды, кресты табакерки, и перстни. Особенно щедро награжденъ шталмейстеръ Рембо, лошадь котораго получила часть заряда и окровавленной мордою забрызгала мундиры сидѣвшихъ въ экипажѣ. Адресовъ опять множество. Мы, Московскіе сенаторы, посылаемъ телеграмму по пріѣздѣ Государя въ предѣлы Россіи. Теле-

грамму сочинилъ князь (Одоевскій, и я поправилъ ее только вмѣсто „выраженія вѣрнопопданности и преданности“ „чувствомъ благоговѣнія къ знаменіямъ Провидѣнія, охраняющаго драгоцѣнную жизнь преобразователя Россіи“. Но пора бы Государю и воротиться. Невольно боишься за Государя въ этихъ быстрыхъ поѣздкахъ, въ этомъ круговоротѣ празднествъ, парадовъ и уличныхъ массъ. Въ случаѣ несчастія послѣдствія могутъ быть страшныя, хотя ни въ какомъ случаѣ въ пользу Поляковъ, и расчетъ ихъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы происки нашли вниманіе при дворѣ, никогда оправдаться не можетъ.

На дняхъ въ праздноѣ Москвѣ разносились слухи: 1) что было новое покушеніе, и Государь легко раненъ, но событіе скрывается. 2) что въ Варшавѣ Государь обѣщаетъ при извѣстныхъ условіяхъ, и 3) что въ Вильнѣ Государь обѣщаетъ отстрочить указъ 10 Декабря 1865 г. (объ обязательной продажѣ земель) до 10 Декабря 1869 г. Ничему я не вѣрю. Но не многого отъ всего этого я и ожидаю. Я бы молилъ объ одномъ: уменьшить, ослабить политическую лихорадку, которая трясеть насъ, и дать вздохнуть и водвориться спокойному, солидному изученію, безъ котораго никакое прочное объединеніе Россіи невозможно.

Поѣздка царская представляетъ совершенно торжественный поѣздъ. Вездѣ встрѣчи, толпа, крики, иллюминаціи и празднества. Особенно замѣчательна рѣчь Государя къ Остзейцамъ. Государь говорилъ по русски и напомнилъ имъ, что „они не должны забывать, что принадлежать къ Русской семьѣ“, выразилъ надежду, что они съ готовностію должны подчиниться тѣмъ перемѣнамъ, которыя онъ предначерталъ для вящей пользы края. Нѣмцы конечно повѣсятъ носы, прикидываясь стѣсненными и придумывая, какъ бы обойти эти перемѣны, а знаменитый докторъ Мейеръ изъ Вестфалии объяснить это съ своей точки зрѣнія.

Поѣздка въ деревню, 22 Іюня—1 Августа 1867 г. Поѣздка и пребываніе прѣдолжались около шести мѣсяцевъ. Имѣніе наше падаетъ и, со введеніемъ новыхъ судовъ, весьма желаемыхъ и нетерпѣливо ожидаемыхъ, вѣроятно пойдетъ съ молотка. Работы плохія, управленіе плохое и плохой годъ. Положеніе крестьянъ все хуже и хуже. Кромѣ водки-дешевки, которой замѣчено мною мало, раззоряютъ ихъ раздѣлы. Богатыя и сильныя семьи дробятся, слабѣютъ и приходятъ въ бѣдность. Удивляться надобно, какъ правительство, въ настоящемъ положеніи, рѣшается возвышать прямыя налоги и возвышать почти втрое: подушная подать съ 1 рубля, по Орловской губерніи, возвышена до 2 р. 80 к. Съ семьи въ 3 души одной подати сойдетъ около 9 рублей. Гдѣ ихъ взять? Хорошіе заработки, правда, на желѣзныхъ дорогахъ Орловско-Курской и Орловско-Витебской; но это только для 30, 40 тысячъ душъ; и при томъ заработки временныя. Высокія подати истощаютъ населеніе

и затрудняютъ стремленіе къ образованности и къ порядочной домашней жизни. Два событія въ это лѣто обращали на себя особенное вниманіе: выборъ мировыхъ судей и образованіе приходскихъ попечительствъ. Въ выборахъ, земство, кажется поступило осторожно и съ толкомъ: выбрали хорошихъ людей, свѣдущихъ и безъ тенденцій. Я боюсь здѣсь не тенденцій, но лѣни и равнодушія. Лѣнь и равнодушіе замѣтны и въ земствѣ, а лучшей элементъ мирового института (почетные судьи) тоже земская тяга. Общественная заботливость у насъ слаба, и удобства помѣщичьей жизни, даже обѣдѣвшей, рѣдко кто согласится нарушить столь неудобными у насъ переѣздами. Приходскія попечительства, по закону 4 Августа 1864 г., принимаются очень туго, и на 4-й годъ ихъ много менѣе, и попытки на открытіе ихъ встрѣчаютъ явное противо-дѣйствіе со стороны духовенства, низшаго и высшаго, видящихъ въ этомъ нововведеніи посягательство на права свои, основанныя на положительныхъ законахъ. Вообще духовенство считаетъ себя въ гоненіи и смотритъ какъ на ересь на свѣтскія вмѣшательства, которыми ополчаются и журналистика, какъ напр. „Московск. Вѣдомости“ отъ 25 Іюля, отрицающія православіе въ нынѣшнемъ устройствѣ духовнаго сословія и церковнаго чина, и новый оберъ-прокуроръ, какъ напр. реформа о замѣщеніи священно-служительскихъ постовъ и допущеніе въ семинаріи всѣхъ сословій, по призванію. Вторженіе свѣтскаго элемента, какъ и во всемъ, дѣйствительно немного насильственно, нарушаетъ установившіеся порядки и отношенія. Нововведенія эти прекрасны, вѣроятно будутъ полезны; но привычки имѣютъ свои права и требованія, и незапное радикальное ихъ устраненіе, при необразованности массъ, можетъ имѣть непредвидѣнныя и важныя послѣдствія. Крутые повороты вредны уже тѣмъ, что съ опасностію и болью измѣняютъ обычный ходъ жизни, вызываютъ непременно оппозицію и встрѣчаютъ препятствія, которыя иногда способны исказить дальнѣйшее развитіе начѣла, возбуждая съ одной стороны недовѣріе, предубѣжденіе и страхи, а съ другой усиленный напоръ, раздраженіе и открытую распрю, въ средѣ, гдѣ должны господствовать миръ, взаимность и любовь. Раскольники сочувствуютъ этимъ мѣрамъ.

Въ продолженіе Іюля я прочелъ: *La Fronde et le Parlement* устарѣва-шаго (и теперь уже покойнаго) Баранта; *Der Talmud* фанатическаго рыцаря Павликовскаго—книга не совсѣмъ безполезна; Государственное Русское право неученаго Андріевскаго, посредственность, при нынѣшней разработкѣ нашего права, едвали не ниже книги 1836 Дюгамеля-Эверса, и „Народное хозяйство и Государство“ Дитцена—книга замѣчательная, но односторонняя и увлекающаяся. Отмѣтки краткія сдѣланы на самыхъ книгахъ, по моему обыкновенію. Хотя я читалъ и „Моск. Вѣдомости“ и „Рус-

скія“ и „Москву“, но о событіяхъ внутреннихъ (движеніе реакціи) и внѣшнихъ напишу послѣ.

Движеніе реакціи выражается кромѣ личныхъ назначеній, уже и въ общихъ законодательныхъ мѣрахъ. Дисциплина всѣхъ земскихъ, сословныхъ и городскихъ собраній усилена до крайности, и губернаторское требованіе безусловно обязательно. Черезъ мѣсяць послѣ этого ограничена печатная ихъ гласность, допускаемая только съ разрѣшенія губернатора. При ограниченіи обложенія съ торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ и при этихъ затрудненіяхъ наши собранія не общаются никакихъ, многими предсказанныхъ, блестящихъ улучшеній въ земскомъ и городскомъ быту. Нельзя уже надѣяться и на выработку политическаго смысла въ обществѣ, едвали возможны и самые ораторы.

Къ числу общихъ реакціонныхъ мѣръ должно причислить и закрытіе „товарищества“ покупателей Польскихъ имѣній. Я не былъ за указъ 10 Декабря 1865 г. ни, слѣдовательно, за товарищество; но правительство приняло эти энергическія мѣры въ видахъ обрусенія края, который „Три раза Русскій“. Можно было сомнѣваться въ пользѣ и самой примѣнимости этихъ мѣръ. Но газета „Биржевыя Вѣдомости“ прямо называетъ этотъ указъ „исходящимъ изъ коммунистическихъ началъ“, а газета эта находится подъ покровительствомъ министровъ финансовъ и (друга Государя) графа Ивана Матвѣевича Толстаго. За тѣмъ другая газета „Вѣсть“, уже и прежде заявлявшая, что „земскія собранія раззоряютъ Россію“, теперь называетъ ихъ составленными „подъ вліяніемъ ученій Французской революціи“. Значеніе этихъ газетъ неважно, но важно смѣлое ихъ заявленіе о законодательныхъ актахъ, оставленное не только безъ „предостереженія“ вопреки прямому смыслу закона о печати, не смотря на то, что и „Москов. Вѣдом.“ и „Москва“ выставляли на видъ такой дерзкій отзывъ. Надобно полагать, что вѣроятно такъ смотритъ на эти акты и само нынѣшнее высшее управленіе.

Для домашнія (внѣшнія), наши отношенія къ окраинамъ нашимъ, улучшаются мало. Преобладающее положеніе Русской національной партіи, громко заявляющей о себѣ во всѣхъ лучшихъ органахъ печати и находящей отголосокъ и сочувствіе во многихъ (во всѣхъ) Славянскихъ племенахъ, невольно усиливаетъ мѣстныя стремленія инородческихъ окраинъ. Это естественно. Финляндія хвалится, въ рѣчи губернатора гр. Палена, распространеніемъ общихъ Финляндскихъ порядковъ на старую Русскую Финляндію. Еще въ Маѣ 1865 г. я писалъ (и мнѣніе мое напечатано), что Выборгскую губернію слѣдуетъ причислить, по суду, къ Петербургскому округу, какъ и Эстляндію, часть которой вошла въ составъ Петербургской губерніи. Прибалтійская печать явно братается съ Германскою, и надобно удивляться терпимости правительства

къ гг. Мейеру и его собратамъ въ Ригѣ и Дерптѣ. Судя по словамъ Государя, что Остзейцы „не должны забывать, что они часть одной семьи Русской“, надобно полагать, что правительство рѣшилось на какія нибудь коренныя нововведенія. Всего болѣе можно полагать надежду на Министерство просвѣщенія, которое до сихъ поръ ничего не сдѣлало для прочнаго тамъ водворенія Русскаго языка. не смотря на всѣ настоянія императора Николая.

Русскій языкъ и надѣль крестьянъ землею укрѣпить этотъ край окончательно за Россіей, но едва ли это совершится при министрѣ Валуевѣ, большомъ сторонникѣ Нѣмцевъ Балтійскихъ.

Въ Польшѣ вводятся общія учрежденія. Это хорошо. Но тамъ очень усиливается Нѣмецкій элементъ, и наборъ хорошихъ чиновниковъ (на которыхъ вездѣ такой запросъ) встрѣчаетъ большія затрудненія. Западныя губерніи со страхомъ ждутъ 10 Декабря, все надѣясь на отмѣну указа или покрайней мѣрѣ на отсрочку, хоть на годъ. Положеніе затруднительное, и едва ли правительство съумѣетъ выбраться изъ этого затрудненія. Полякамъ остается помириться со своимъ положеніемъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что примиреніе, во-первыхъ, необходимо, а во-вторыхъ, отъ него хуже не будетъ, а можетъ быть лучше. Полезно было бы пожить Государю со дворомъ въ Кіевѣ, гдѣ, говорятъ, будетъ построенъ новый дворецъ. Странно, что я, лично, какъ-то не вѣрю заслугамъ въ этихъ краяхъ генерала Безака и графа Баранова.

Окраина Кавказская, какъ новъ, подвигается быстрѣе. Тамъ же и начальникъ полномочіе. Но въ полуазиатскомъ краѣ этомъ кишатъ другія язвы: воровство въ управленіи должно быть общимъ національнымъ хроническимъ недугомъ.

Новая окраина Среднеазиатская едва образовалась и можетъ похвалиться преобразованиемъ только еще бумажнымъ. Имя начальника общааетъ много хорошаго. Хороши ли, дурны ли предпринимаемыя мѣры, но да будутъ онѣ постоянны. Уклоненія, примѣчливость, непостоянство—вотъ наши лихіе воровы.

Августа 18 я отдалъ моего Дмитрія въ Нѣмецкое училище д-ра Цима. Это 7 классная гимназія, гдѣ всѣ предметы (кромѣ латыни и алгебры) преподаются Русскими и по-русски и гдѣ мой 12 лѣтній юноша принять въ 4 классъ. Тяжело было разставаться съ нимъ. Съ 9 утра и до 4-хъ часовъ онъ тамъ. Поутру мать съ сестрою его отводятъ, въ 4 всѣ мы его приводимъ. Сильно было первое впечатлѣніе сторонняго міра на ребенка, жившаго одною нѣжною любовью семейства. Увидѣвъ наказаніе своего товарища, поставленнаго за шалость на колѣни, онъ, когда сѣлъ съ матерью въ карету, бросился къ ней на ко-

лѣни и заплакалъ. У него всегда много выражалось сострадательности. Идя со мною домой, онъ заявилъ, что очень ругаются между собою ученики. „Что, дуракъ, скотина?“ спросилъ я. Нѣтъ, похуже—и прошепталъ: „чертъ“. Первый и второй день и даже третій день бѣдный былъ въ постоянномъ лихорадочномъ состояніи. На четвертый занемогъ, его рвало желчью, потомъ наступили праздники, и онъ успокоился. Теперь, десятый день, онъ немного освоился и успокоился. Въ лихорадкѣ порядочной были и мы, старья двѣти.

Посѣтилъ меня, чтобы пригласить на открытіе военного суда, статсъ-секретарь В. Д. Философовъ. Много перемѣнился онъ; возвышенія и успѣхъ дали ему самоувѣренность и смѣлость, которыхъ прежде въ немъ не было. Говорили о судебной реформѣ, начатой генер. Крыжановскимъ и имъ оконченной.

Онъ подтвердилъ, что преступленія усилились значительно и приписываетъ это, сверхъ общей распущенности, особенно дешевкѣ и дурному корпусу офицеровъ, „которыхъ система покойнаго Ростовцева систематически воспитывала въ безнравственности, лжи и невѣжествѣ“. (Язычекъ!) На возраженіе мое о недостаточности гарантій *полковаго* суда, совершенно зависящаго отъ начальства, онъ объяснилъ, что это сдѣлано въ видахъ поднятія дисциплины, а о невозможности единства кассаций при трехъ главныхъ судахъ, онъ отозвался, что по многимъ вопросамъ теоріи военно-судный уставъ долженъ былъ сдѣлать уступки требованіямъ дѣйствительности и условіямъ мѣстности. Реформа судебная совершена и въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ дѣятелемъ былъ мой оберъ-секретарь Яневичъ-Яневскій. Нельзя не замѣтить, что и военное и морское начальство встрѣтили эти преобразования съ нескрытымъ предубѣжденіемъ. Предсѣдатель главнаго морскаго суда адмиралъ Епанчинъ даже просто выразилъ надежду, „что при содѣйствіи главнаго прокурора дѣла пойдутъ также хорошо и быстро какъ и въ генераль-аудиторіатѣ“.

Ограниченіе газетной гласности въ печатаніи судебныхъ прѣвій вѣроятно будетъ предметомъ протеста со стороны журналистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобное ограниченіе несовмѣстно ни съ публичностію, ни съ гласностію. Что за гласность безъ печати?

И гражданская реформа суда распространяется. Въ концѣ года открывается Харьковскій округъ, во главѣ котораго поставленъ мой пріятель баронъ Н. Е. Торнау, съ особенными правами. Желалъ бы я знать, чѣмъ руководствовался Торнау, назначивъ членомъ палаты Брилевича, никогда не служившаго по судебной части, вспыльчиваго, заику и картѣжника, и предсѣдателемъ суда—Эдуарда Фукса, молодаго прокурора, прослужившаго едва шесть лѣтъ?

Желаю я знать еще, какъ поворотится съ кассационными жалобами одинъ департаментъ Сената, когда откроется новый округъ? Я полагаю-бы отдѣлить мировую юстицію въ особый департаментъ.

Прекрасно задуманный и добросовѣстно продолжающійся „Вѣстникъ Европы“ Стасюлевича (немножко сторонника) представляетъ окончаніе замѣчательнаго труда Костомарова: „Смутное Время Московскаго государства“, въ 7 книгахъ. На этомъ времени остановился Карамзинъ, за него пытался приняться Д. П. Бутурлинъ, его обозрѣвалъ профессоръ Соловьевъ. Трудъ Костомарова упраздняетъ всѣ эти попытки и выражаетъ эпоху во всей полнотѣ доселѣ извѣстныхъ и малоизвѣстныхъ источниковъ. Трудъ капитальный, пріобрѣтеніе науки и литературы богатое. Иногда во очію видишь рассказываемыя событія: до того они живы, подробны и рельефны. Страницы „значенія этой эпохи въ Русской исторіи“ читаются съ ласкающимъ патріотизмомъ и съ возвышеннымъ удовольствіемъ. А все нельзя не сказать: и на этомъ трудѣ современность, наше время, наложили печать свою, и сочиненіе принадлежитъ болѣе литературѣ, нежели наукѣ. Кто былъ самозванецъ? Это кажется навсѣгда останется загадкой. Чтѣ способствовало ему и развитію крамолы и воровъ, доведшихъ великое государство Іоанновъ почти до разрушенія? Высчитывая многія причины, странно, что историкъ не упоминаетъ о народной привязанности къ законному царю, которымъ долженъ бы быть Дмитрій, убитый въ Угличѣ. Безъ этого убійства крамолы и мятежи не обняли бы всѣ классы и особенно низшіе.

Исчезаетъ старое право, зарождается новое и устанавлиются порядки невиданные. Кавуръ-Гарибальди, съ помощію Наполеона, устроятъ Италію; эрцъ-герцогъ Максимилианъ, съ помощію Наполеона, устроивалъ Мексику; Францъ-Іосифъ, съ помощію Наполеона, думалъ устроить Германію. Доколѣ этотъ символъ революціи будетъ имѣть значеніе, установленіе прочнаго порядка, по моему убѣжденію, немислимо. И этотъ господинъ навязывается намъ въ друзья! Дружба эта можетъ насъ компрометтировать, стѣснить, запутать. Сближеніе съ Франціей полезно только для ослабленія буйныхъ надеждъ Поляковъ и варварства Дивана, но для этого сближенія сдѣлано все, чтѣ было можно со стороны Государя. Онъ почти семьей ѣздилъ въ Парижъ и подвергался тамъ оскорбленіямъ и опасности. Наполеонъ поссорить насъ съ Германіей, которая и безъ того выдвигаетъ на насъ преобладающее соперничество на *Остзейскомъ* морѣ, къ которому прилегаютъ наши *Остзейскія* губерніи, мятущіяся уже и теперь отъ царской рѣчи въ Ригѣ и отъ положенія Комитета Министровъ, рѣшившаго, совокупными мѣрами всѣхъ вѣдомствъ, исполнить законъ 1850 года о введеніи Рус-

скаго языка. Здѣсь развязка возможна только одна: освобожденіе христіанъ отъ мусульманскаго владычества. А онъ этого-то и не допуститъ. Онъ ограничится гатти-гумаюнами, прикидываясь вѣрующимъ въ неисполнимыя Турецкія обѣщанія.

Не посовѣтоваль бы я и союзъ съ Пруссіей. Бисмаркъ—Кавуръ Германіи съ тѣми же нарушеніями международныхъ трактатовъ и съ революціонными замашками въ Богеміи и Венгріи.

Неустановившееся новое право дѣлаетъ невозможными никакіе союзы. Они возможны съ Австріей и особенно съ Англійей; но съ Австріей насъ ссорятъ наши единоплеменцы, а съ Англійей мы сталкиваемся въ средней Азіи и въ отношеніяхъ съ Сѣвероамериканскими Штатами. Останемся безъ союзовъ. Заключимъ тѣснѣйшій только съ великой *бережливостью*. Она намъ поможетъ во всемъ, устроитъ внутреннія дѣла, проложитъ желѣзныя дороги, дастъ рубль на рубль и приучитъ къ порядку.

Раздраженіе умовъ и страстей все растетъ и приближаетъ къ какому-то хаосу, предшествующему новымъ явленіямъ и проявленіямъ новой жизни. Мяутся народы и люди. Нѣтъ нигдѣ ни прочнаго порядка, ни дѣйствительнаго спокойствія. Ни въ чемъ нѣтъ ни увѣренности, ни согласія. Возможны-ли, въ мысляхъ, подобныя происшествія дикаго насилія: купца Севастьянова въ Бирскомъ уѣздѣ и ст. сов. де Сень-Лорана въ Пермскомъ? Перваго, шайка, въ составѣ всей земской полиціи, выдрала розгами до ключевъ кожи и ограбила бумажникъ съ деньгами. Второго съ дочерью и докторомъ Суксунскіе крестьяне, принявъ за поджигателей, избили до полусмерти и обобрали вещи и деньги. Событій насилія и грабежей надобно ожидать и отъ угрожающаго во многихъ мѣстахъ недостатка въ хлѣбѣ. Полемика изъ за западныхъ губерній, полемика съ Балтійскими ляндіями переходитъ все грани приличія. Наши недавніе гости сдѣлались причиною раздоровъ и брани. Іосифъ Ливчакъ переметнулъ копье съ „Вѣстью“, „Вѣсть“—съ „Москвою“. Москва нашла это „дерзостью глупою и наивною“. „Вѣсть“ не оскорбляется „этими кабацкими выраженіями“. Кулишъ разбрилъ каноника Головацкаго, „Москва“ отдѣлала Кулиша, Кулишъ отдѣлалъ г.г. Катковыхъ и Аксаковыхъ. Катковъ—Кулиша. Все это грязь домашняя и газетная. Но Вѣнская печать и Journal des Débats перенесли эти раздоры на международную почву. „Сообщенія“ въ газетахъ имѣютъ видъ дипломатическихъ нотъ. Задоръ Русской печати не понятенъ какъ либерализмъ деспота. Въ Испаніи—диктатура, въ Италіи арестованъ Гарибальди, во Франціи взрывъ готовъ и ищетъ только исхода.

Демократія такъ и напираетъ. Съ нею, съ этою толпою ломаютъ матеріализмъ и социализмъ. Молельня и спальня избираются на пло-

щади. Прокуроръ требуетъ мѣста и права и при домашнемъ очагѣ. Все это хорошо, все это въ чинѣ, въ порядкѣ развитія, движенія и успѣха. Да, но въ чинѣ и порядкѣ; а здѣсь, безъ предварительныхъ приготовленій, оказывается такое безчиніе и беспорядокъ, что Гарибальди арестовали, а къ арестанту министры поѣхали съ визитомъ; прокурора по дѣлу Умецкихъ (въ Каширѣ, 14 лѣтняя дочь помѣщика жестокими поступками родителей доведена была до того, что сдѣлала 6 поджоговъ и хотѣла броситься въ огонь) допустили къ домашнему очагу, и онъ нашель тамъ много безнравственнаго и грязи, и общество, въ лицѣ присяжныхъ, согласилось съ его обвиненіемъ, да судъ не нашель статьи для опредѣленія наказанія. Ступайте, ведите на улицу и на площадь,—но приготовьте и осмотритесь.

Сентябрь. Грустное предчувствіе! Сегодня рѣшается дисциплинарное дѣло о Лефортовскомъ мировомъ судѣ Даниловѣ, обнаруживавшемъ стремленіе къ униженію Московской полиціи и превышенію власти (и безъ того довольно высокой) мировой юстиціи. Я совѣтовалъ кончить дѣло предостереженіемъ, если бы Даниловъ *и во всемъ былъ правъ* (обвиненіе выставляетъ 7 пунктовъ). Разногласіе мировыхъ судей съ полиціею въ Москвѣ пришло къ такой открытой борьбѣ, что вмѣшательство высшей административной и даже законодательной власти становится необходимымъ, а при этомъ вмѣшательствѣ, естественно, торжество не будетъ на сторонѣ суда, стоящаго независимо и въ полнотѣ правъ. А въ администраціи стоятъ Валувевъ, гр. Паленъ и кн. Урусовъ, извѣстные своимъ несочувствіемъ новымъ порядкамъ. Это главнѣйшее. *Потомъ*, я, безъ малѣйшаго пристрастія, нахожу, что Даниловъ кругомъ виноватъ: онъ вмѣшивался не въ свои дѣла и въ сношенія съ полиціею превышалъ власть до неприличія. Здѣсь и требованія справедливости и политика, совмѣстная съ судейскимъ достоинствомъ, обязываютъ возстановить предѣлы отношеній обѣихъ властей. Иначе въ потерѣ будетъ не Даниловъ, а мировой институтъ. Его такъ окарнаютъ, что настоящее самостоятельное положеніе его останется какъ какое-то преданіе о сатурналіяхъ и безценсурной печати. При радикальности реформъ реакція считаетъ себя въ правѣ быть тоже радикальною. Во всемъ этомъ я виню необдуманнѣйшій и неудачный выборъ личнаго состава. По большей части лицъ онъ не имѣетъ ни прочной репутаціи, ни нравственнаго авторитета. Подожду.

Ужъ не въ Римѣ-ли Гарибальдійцы? Боже мой, какъ падаетъ этотъ нечестивый католицизмъ, которому еще такъ недавно сулилъ Макдле такую безконечную будущность! Теперь даже Наполеонъ примиряется съ мыслию о сохраненіи за папою одной духовной власти. Отмѣните за тѣмъ безбрачіе, и тогда католичеству конецъ окончательный. Но

полно, такъ-ли? Неужели великіе умы какъ Де-Местръ, Шатобріанъ и Маколе такъ поверхностно оцѣнивали эту силу, властвующую столько столѣтій? Впрочемъ, она падаетъ уже давно, и когда нибудь надобно пасть окончательно. Вѣрованіе есть чувство индивидуальное. Соединеніе вѣрующихъ есть приходъ, а соединеніе приходоу есть данная національная церковь. Отдѣлять ее отъ государства и народа нельзя, если государство и народъ самостоятельны. Свѣтская власть папы есть анахронизмъ, безпрестанно сталкивающійся съ современными требованіями образованности. Преимущественно эта власть сообщаетъ католическому исповѣданію несвойственный нравственному вѣрованію характеръ полицейскаго учрежденія, которое въ рукахъ сильнаго становится орудіемъ честолюбія и гнета, порабощая слабую совѣсть необразованной толпы и осуждая всѣ завоеванія энергическихъ стремленій ума и знанія. Эти осужденные, люди ума и науки, давно отказались отъ папы, и паденіе его ихъ не удивитъ и не обрадуетъ. Отъ этого паденія выиграетъ вѣра.

Сегодня я былъ въ театрѣ, чтобы видѣть „Опричника“, трагедію дорогаго мнѣ И. И. Лажечникова. Сочиненіе, какъ драма или трагедія, слабо; постановка плоха, игра еще того хуже. Очень эффектенъ былъ Грозный (Самаринъ), царь Русскій, въ первый разъ показывающійся на сценѣ. Актеры наши не привыкли къ боярской важности, и игра ихъ въ этой пьесѣ не даетъ понятія о царскомъ дворѣ и опричинѣ XVI столѣтія. Я условился съ моими пріятелями поддержать пьесу и вызвать автора. Старика вызывалъ я къ себѣ обѣдать, чтобы свезти и привезти попокойнѣ въ каретѣ; но онъ „боясь волненій, свойственныхъ автору“, не поѣхалъ на первое представленіе. И такъ мы хлопали и кричали понапрасну. Театръ, не смотря на высокія цѣны бенефиса, былъ полонъ. Вѣроятно пьесу дадутъ еще два-три. Главное: чтобы разовыхъ бѣдному старику было по болѣе. Онъ очень нуждается. Благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ возможность быть полезнымъ почтенному И. И., которому все семейство наше такъ много обязано. Онъ, въ 1823 г. наблюдалъ за первыми начатками моего образованія, и я это живо помню. Помогая ему, я плачу старый долгъ, и Богъ видитъ, съ какимъ удовольствіемъ я это дѣлаю.

Убіеніе А. И. Чивилева подтверждается. Преступленіе это совершено сыномъ, по заранѣе обдуманному умыслу, чтобы похитить 1000 р. Вѣроятно подробности обнаружатъ всю нравственную порчу молодого человѣка, воспитаннаго воспитателемъ нашихъ царевичей. Я обращаю вниманіе на эту сторону событія. Чивилевъ былъ позитивистъ, материалистъ и вообще человѣкъ антипатичный. Онъ былъ профессоромъ политической экономіи въ Московскомъ университетѣ и директоромъ

бывшаго Дворянскаго Института, который при немъ находился (говорять) въ цвѣтущемъ состояніи. Сомнѣваюсь, но положимъ и такъ. Достаточно ли этого, чтобы рекомендовать его въ воспитатели великихъ князей? Вообще графъ Сергій Строгановъ, своенравный и своеобразный, несчастливъ на руку и не отвѣчаетъ своему положенію. Общій голосъ винить его въ безвременной смерти Цесаревича Николая и въ дурномъ направленіи учебныхъ занятій великихъ князей. Я всегда считалъ эпоху его попечительства началомъ порчи нашего юношества, дошедшаго, съ Польскими вліяніями, въ 60-хъ годахъ до открытаго политическаго разврата. Судь разъяснить намъ это загадочное дѣло и частную жизнь воспитателя царевичей.

Несмотря на частыя ошибки новаго суда, и кратковременное его отправленіе знаменуется существенною пользою: общественнымъ сознаніемъ силы закона и личной отвѣтственности наравнѣ со всѣми. Дѣла: семейства Умецкихъ (какое-то полудикое семейство въ Каширѣ) Данилова (убійство ростовщика Попова), дѣла текуція, ежедневно слушаемая, у всѣхъ въ разговорѣ. Газеты помогаютъ распространенію. Мнѣніе растетъ. Водворяются убѣжденія. Очищается жизнь.

Октября 9 въ Петербургскомъ судѣ разсматривалось дѣло о буйствѣ арестантовъ въ тюремномъ замкѣ. Болѣе 300 человекъ, недовольныхъ мясною порціею, безчинствовали и буянили въ столовой, на лѣтницѣ, на дворѣ и въ камерахъ, нанося побои старостѣ и причиняя самыя дерзкія оскорбленія начальствующимъ лицамъ, которыя вынуждены были прибѣгнуть къ прикладамъ, безъ чего невозможенъ былъ никакой порядокъ. Начальство, изъ всего этого полчища, предало суду только двухъ, вѣроятно для одной острастки, и судъ, вѣроятно тоже для острастки, осудилъ этихъ содержащихся въ тюрьмѣ арестантовъ къ выдержанію въ тюрьмѣ же на 4 и 6 мѣсяцевъ или даже на годъ. Подобныя послабленія, при смягченіи и малой дѣйствительности нашей системы наказаній, могутъ имѣть гибельныя послѣдствія въ средѣ нашего весьма многочисленнаго, порочнаго и грубаго тюремнаго народонаселенія. Здѣсь вполне примѣнимы взысканія дисциплинарныя. Арестанты, это народъ штрафной, и быстрый приговоръ мѣстной расправы послужилъ бы дѣйствительнѣе къ обузданію разнузданной толпы негодяевъ. Буйство происходило 6 Апрѣля 1866 года, а судили 9 Октября 1867-го. При Николаѣ ихъ выпороли бы 7 Апрѣля, на другой день, и результатъ былъ бы лучшій. И какая непослѣдовательность! Почти повсемѣстно исполняется смертная казнь, усиленіе дикихъ преступленій несомнѣнно, а здѣсь наглое полчище, среди столицы, предается самому крайнему буйству и оставляется безъ всякаго наказанія. Мнѣ то страшно, что подобныя послабленія деморализируютъ общество и вызываютъ

реакцію. Я боюсь за наши новые суды и за ретивыхъ судей. Играть судомъ нельзя.

Столкновеніе возможно весьма важное. Невѣря Итальянцу, Наполеонъ посылаетъ десантъ въ Чивита-Векію, чтобы занять Римъ и созвать конгрессъ. Подъ Римомъ, вѣроятно съ согласія Итальянца, стоитъ съ своими молодцами Гарибальди, тихонько бѣжавшій съ Капреры. Итальянское войско, отвѣчая Франціи, переходитъ границу Папской области, можетъ быть не безъ согласія съ Бисмаркомъ. Наполеону, видите, дороги законный порядокъ, папа и католицизмъ. Итальянецъ братается и съ революціей, и съ протестантизмомъ. Къ безправію мы уже порядочно привыкли; но при этомъ показываются безденежье, застой и дороговизна пищи. За ними виднѣются толпы, за толпами кричить республика, и разрабатывается социальный вопросъ въ размѣрахъ коммунизма. Не отрыгнулись бы триумфы Кавура и Бисмарка потрясеніемъ династій и династическаго начала. Неудача Гарибальди, а тѣмъ болѣе плѣнь его или торжество Франціи, выдвинуть въ Италиі народную партію. Уже и теперь рѣчь шла о министерствѣ лѣвой стороны. А тутъ бунтуютъ Славяне и распадается Австрія, а тамъ бунтуютъ Греки и распадается Турція. Борьбы народностей въ полномъ развалѣ, и наши вопросы—пигмеи: Прибалтійскій, Татарскій, Польскій, Финскій, Армянскій. Все копошится, кричитъ, раздражается и ругается. Скоро настанетъ 10 Декабря и продажа Польскихъ имѣній. Мѣру эту можно посовѣтовать *отчасти* распространить и на Прибалтійскій край. Пожалуй! Но въ настоящую минуту весь интересъ сосредоточивается на Римѣ. Сегодня-завтра ктонибудь долженъ быть тамъ.

Въ С.-Пбургскомъ окружномъ судѣ, 23 Сентября, защитникъ крестьянина Никитина, осужденнаго за буйство въ судебной камерѣ, между прочимъ привелъ къ его извиненію слѣдующее: „Всякое лицо низшаго сословія не считаетъ особеннымъ преступленіемъ оскорбить городского“. Это грустно, но (это) такъ, и это можно отнести и къ высшимъ сословіямъ въ отношеніи чиновной полиціи. На Московскихъ улицахъ часто видишь схватку крестьянина и горожанина съ полицейскимъ, даже со старшимъ. Униженіе полиціи есть реакція злоупотребленія ея въ прежнее время и напористаго дѣйствія новаго суда. И то и другое обличаетъ нашу незрѣлость и особенное неумѣнье нашихъ правителей. Прежде они трактовали насъ какъ стадо, со всѣхъ сторонъ окруженное волками, а теперь они довѣряютъ намъ пастись безъ пастуховъ. Сжатые раскинулись и раскинувшись перешли за предѣлы. Требованіе законности и равноправія въ судахъ доходить до своего рода *pruderie*. Въ обидахъ дѣйствіемъ суды доискиваются: толкнулъ онъ его или ударилъ? Тащилъ его или вель? Мнѣ пишутъ изъ Владимира, что въ Шуѣ судился зна-

комый мой, богачъ, коммерціи совѣтникъ Я. П. Гарелинъ за то, что сказалъ неисправному приказчику своему: „посмотрите на свое лице, на что оно похоже; вы вѣроятно вчерась гуляли“. Я увѣренъ, что Гарелинъ сказалъ не вы, а ты, и не лицо, а рожа, но обиды тутъ не вижу. Повторяю: нашъ величайшій недостатокъ—невыдержанность, недостатокъ постепенности, климатъ. Европа вторгнулась въ неизвѣстную землю и ворукаетъ по произволу, вертятся между крайностями. Совершенный беспорядокъ частной жизни отражается и въ государственной. NB. На дняхъ у Срѣтенскаго мирового судьи былъ процессъ Миши и Васи, 6 и 5-ти лѣтъ мальчиковъ, отвѣчавшихъ за кражи. Эти крупные люди воровали домашнее платье, чтобы проѣдать и пропивать въ *трактирахъ* или выпить вина: одному—*косушку*, а другому (онъ слабъ)—только шкаликъ. Не вѣрится, а въ очію совершается. Хорошо поколѣніе, растущее въ такой распущенности!

Между тѣмъ какъ Гарибальди взять подъ арестъ, бунтующій всю Италію, а „Голосу“ сдѣлано за императрицу Французовъ загадочное предостереженіе, разъясняемое Берлинскими и Парижскими газетами въ смыслѣ политическомъ; въ Москвѣ идетъ агитація о пересмотрѣ *тарифа*. Всѣ научныя для этого данныя есть. Записка Колесова, труды Московскихъ фабрикантовъ (Дм. П. Шипова; много преувеличеній), таблицы Тернера (въ академическомъ календарѣ на 1868 годъ) и комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Г. П. Небольсина, изучившаго дѣло во всѣхъ подробностяхъ еще въ 1850 годахъ. Сочиненія Тенгоборскаго и полемика о тарифѣ 1857 г., продолжающаяся до сихъ поръ А. Шиповымъ, Колюпановымъ, Полетикою, Чижовымъ, Чугуновымъ (правда, преимущественно протекціонистами) подготовили матеріалы достаточныя для произнесенія окончательныхъ выводовъ о настоящемъ состояніи нашей промышленности. Москва надѣется на усиленіе протекціонизма, но едва ли это сбудется. Тогда министерству не было основанія, черезъ десять лѣтъ, возбуждать вопросъ о тарифѣ. Упадокъ таможенныхъ доходовъ былъ главнымъ поводомъ къ этому вопросу, и ни въ докладѣ министра, ни въ соображеніяхъ вице-директоровъ Колесова и Тернера не замаскированы виды финансоваго управленія на пониженіе пошлинъ по тѣмъ статьямъ, привозъ которыхъ развитіе внутренняго производства уменьшилъ значительно. „Это измѣна, насъ продаютъ, Пруссія у насъ хозяйничаетъ“, кричатъ Москвичи не безъ основанія. Но обстоятельства въ видахъ нашихъ администраторовъ представляются иначе, и я записываю факты, склоняясь лично (не совсѣмъ) болѣе къ Москвѣ.

Наша молодая вольная печать и наша либеральная администрація безпрестанно путаются и никакъ не могутъ идти въ ногу. Печать все раздуваетъ, тревожитъ общественное мнѣніе и зацѣпляетъ правительство;

администрація старается сжать, немножко по медвѣжьѣ, бѣгетъ зажмурясь куда и кого попало и даетъ разъясненія, которыя служатъ новыми поводами къ выходкамъ печати, играющей задоромъ, скандаломъ и смѣлыми обвиненіями. Какое страшное обвиненіе введено было на г-жу Шлегель, содержавшую будто бы въ самомъ варварскомъ заточеніи сестру свою, умершую потомъ въ казенной больницѣ. Вышелъ пуфъ, и начатое слѣдствіе, съ арестованіемъ обвиняемой, ничего не открыло и прекращено. Тоже, говорятъ, будетъ и съ поджогомъ (убійство А. И. Чивилева) запаснаго дворца въ Царскомъ Селѣ. Теперь идетъ сильный говоръ о „предостереженіи“, данномъ газетѣ „Голосъ“ за нарушеніе постоянно приличія въ передовыхъ статьяхъ и особенно въ № 287, гдѣ нарушеніе это выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ, въ которыхъ печатное слово можетъ быть терпимо. Статья эта (о Французской политикѣ въ Италиі) не обратила никакого вниманія и такъ мало выдается изъ всѣхъ подобныхъ передовыхъ статей, что многіе приняли 287 за опечатку и искали *неприличія* въ статьѣ № 281, гдѣ тоже ничего не нашли. Пріѣзжіе рассказываютъ, что статья 287, приписывающая экспедицію собственно вліянію клерикальной императрицы, не понравилась посланнику Талейрану, и онъ словесно сообщилъ о ней гр. Шувалову (жандарму), который передалъ требованіе это министру. Министръ, давно недовольный рѣзкими статьями „Голоса“, сдѣлалъ Краевскому предостереженіе. Парижская газета и другія обратили на это вниманіе, какъ на симптомъ политики, и въ Русскихъ газетахъ распоряженіе министра подверглось неодобрительной критикѣ. Катковъ въ „Моск. Вѣд.“ 1 Ноября, вчерась, помѣстилъ выходку противъ этого распоряженія, за которую слѣдовало бы сдѣлать гораздо болѣе заслуженное предостереженіе, какъ за распространеніе слуховъ, признаваемыхъ самимъ публицистомъ *нелпыми*. 30 Октября „Journal de St. Pétersb.“ и „Сѣверная Пчѣта“ отвергли политическое значеніе предостереженія „Голосу“, утверждая, что оно сдѣлано за нарушеніе приличія. Въ Москвѣ это событіе сдѣлалось предметомъ толковъ, и общество копошится и трезвонитъ. Удивляться тутъ нечему. Великая сила гласности, даже у насъ, вращается всегда съ шумомъ и ломкою. Справедливо или несправедливо забросали грязью Шлегель и Чивилева и даже министра Валуева, но нѣтъ дыма безъ огня, и болѣе или менѣе основательные поводы могли вызвать крикъ и оцѣнку. Если тутъ есть вредъ, то вредъ частный, мѣстный, личный, всегда неважный и способный защитити себя и оправдаться. Гораздо важнѣе вліяніе гласности, т. е. газетъ, на общія мѣры правительства, какъ напр. на продажу имѣній въ западныхъ губерніяхъ, преобразование Польши и Балтійскаго края, отчужденіе государственныхъ имуществъ, измѣненіе системы народнаго про-

свѣщенія и т. п. Особенно сильно здѣсь вліяніе газетъ съ орлами, съ государственнымъ гербомъ. Ихъ пять. Онѣ, какъ правительственныя, очень распространены, и изъ нихъ самыя распространенныя „Московск. Вѣдомости“ отданы въ аренду умному, просвѣщенному и талантливому Каткову. Вліяніе этого гениальнаго публициста чрезвычайно сильно, и начинающееся наше общественное мнѣніе слагается исключительно подъ этимъ вліяніемъ. Мнѣ хотѣлось бы объяснить, какъ деспотически вліялъ онъ на Головнина и еще болѣе на нынѣшняго министра графа Д. А. Толстаго. Но подожду. Хотя многое выразилось официально, печатно, но многое основывается на однихъ слухахъ, иногда обманчивыхъ. Борьба реализма съ классицизмомъ, въ моихъ глазахъ, окончена, и самыя наименованія партій устарѣли и не соответствуютъ употребленію. Какой классицизмъ осмѣлится схватиться съ обширнымъ развитіемъ XIX столѣтія, когда точныя науки разоблачили столько тайнъ природы, обращенныхъ на благо человѣчества, и когда наблюдательность гевіевъ выворотила душу наружу? Классицизмъ есть роскошь, приправа. Смутныя, тяжелыя его формы, принимавшіяся за гимнастику для развитія молодого ума, представляются не болѣе, какъ забавою, игрушкою въ лабораторіи, гдѣ трудятся Беконъ, Декартъ, Шекспиръ, Мольеръ, Лессингъ, Кантъ, Ньютонъ, Гумбольдтъ, Гёте, Либихъ и полки ораторовъ, историковъ и романистовъ, гдѣ единицы превращаются въ тысячи, и нравственные элементы жизни отождествляются съ политическими и матеріальными. Можетъ-ли быть тутъ рѣчь объ исключительности, преобладаніи, даже уравненіи классицизма, бѣдной науки Греціи и Рима?

Министерство Юстиціи скоро убѣдится, что въ назначенной имъ въ новыхъ судахъ молодежи недостаегь существенныхъ качествъ: выдержки и достоинства. Это не судьи и прокуроры, а какіе-то школьники, по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ и изъ этихъ многихъ лучшіе, товарищи и предсѣдатели Дейеръ и Арсеньевъ и кандидатъ князь Урусовъ. Всѣ они приобрѣли значительную популярность и всѣ эти три знаменитости теперь попались какъ школьники и осуждаются даже своими товарищами. Дѣло въ томъ, что напоръ талантовъ присяжныхъ и ихъ матеріальныя выгоды вызвали противодѣйствіе, зависть, соперничество, злобу. Антагонизмъ, предсказанный частію въ самомъ законѣ, долженъ былъ выразиться и выразился въ превышеніи и злоупотребленіи правъ защиты, обвиненія и суда. Молодая кровь кипитъ. Этого не сообразило министерство, не умѣло искусно умѣрить ихъ дѣйствіе. Здѣсь, въ Москвѣ, вражда дошла до того, что судъ высылаегь защитниковъ изъ присутствія и рѣшаегь дѣла безъ защиты. Въ Ярославлѣ антагонизмъ судей и прокуроровъ дошелъ, говорятъ, до рукопашной.

Все это грустно. Все это можетъ привести къ самому неприятному исходу. И все это происходитъ отъ неумѣнья и, главное, отъ нераціональнаго, неисторическаго, непрактическаго приѣма реформаторовъ. Заслуживаютъ сожалѣнія и сами молодые дѣятели. Я видѣлъ Арсеньева, на немъ лица нѣтъ. Волнуются, ссорятся, хотять драться. Розенбергъ требуетъ преданія суду судью Дейера. Князь Урусовъ вызываетъ на дуэль Арсеньева. Арсеньевъ отвѣчаетъ новыми оскорбленіями. Газеты отдають дѣло молвъ, молва—преимущественно еще клубная—порочить реформу. Партія „Вѣсти“ молчитъ и оскалается. А виновато одно министерство. Нигдѣ такъ неочевидна истина, какъ у насъ: несоотвѣтственныя назначенія губятъ людей и учрежденія.

Въ „Русскомъ Архивѣ“, Чертковской библіотеки П. И. Бартенева, напечатаны записки графа Комаровскаго и сенатора Дм. Бор. Мертваго, записки, мемуары безцвѣтныя, для исторіи незначительныя, для современниковъ нелюбопытныя, для потомства непоучительныя. Какъ этотъ ничтожный генераль Комаровскій попалъ въ важныя тогда генераль-адъютанты и сдѣланъ графомъ за то, что ѣздилъ по Петербургу съ Австрійскимъ принцемъ, можно объяснить себѣ развѣ случайностью обстоятельствъ, молодостью неприготовленнаго императора и революціоннымъ духомъ времени. Правда, ничтожество личности Комаровскаго объясняется его болѣзнію. Онъ подвергался бѣлой горячкѣ и сохранилъ въ императорѣ довѣріе на столько, чтобы быть послану въ Москву для объявленія о вступленіи на престоль, а въ Петербургъ для извѣщенія о совершившейся коронаціи. При Александрѣ этотъ генераль-адъютантъ строилъ казармы и помогалъ бѣднымъ послѣ наводненія.

Записки Мертваго интереснѣе. Мальчикъ 14 лѣтъ былъ въ когтяхъ Пугачевщины. Губернаторствуя въ Крыму, онъ далъ мысль о сформированіи Татарскихъ полковъ. Будучи генераль-провіантмейстеромъ, онъ придумалъ систему заготовленія чрезъ помѣстное дворянство, система къ которой обращался Петръ I-й и, въ недавнее время, Военное Министерство, по плану Булгакова. Записки Мертваго напоминаютъ записки Ермолова и Державина. Постоянный ропоть, постоянное неудовольствіе, подозрительность и порицаніе всѣхъ и cadaго, начиная съ гр. Игель-строна, при которомъ необразованный и ничтожный совѣтникъ игралъ роль правителя, и кончая Ермоловымъ, по представленію котораго сенаторъ посланъ обрѣзывать Астраханскую и Кавказскую губерніи. Потемкинъ, Ришелье, Аракчеевъ, Обольяниновъ, никто не удостоивался не только похвалы и одобренія, но даже ласковаго слова. Только собственныя дѣйствія, самоличность выставляются въ видѣ угнетенной невинности и образца усердія и умѣнья.

Съ какимъ удовольствіемъ утомленная этими Записками и современною запальчивостію душа останавливается и отдыхаетъ на свѣтлыхъ и ясныхъ, какъ Божій свѣтъ, какъ Харита и Психея, письмахъ Жуковского (1840—1851 г.) къ великому князю Константину. Онѣ начинаются прелестію „милаго моего великаго князя“ отъ „старого друга“ и оканчиваются почти подобострастіемъ предъ мужающимъ „высочествомъ“. Но въ этомъ куреѣ воспитанія, сколько теплоты, сколько чистой души, сколько благородства въ искательствѣ, сколько достоинства въ скромности! Какая роскошь рѣчи, Русскаго языка и какая философія въ поэзіи и вѣрованіи! Кто-то напишетъ біографію этого прекраснаго человѣка? Грѣхъ будетъ кн. Вяземскому. Онъ одинъ можетъ и сможетъ представить намъ геніальнаго и благороднаго Жуковского.

Канцлеръ кн. Горчаковъ женится на молодой красавицѣ Акинфовой (изъ таинственнаго семейства Анненковыхъ). Во многихъ мѣстахъ голодъ, въ западныхъ губерніяхъ водворяется Русское землевладѣніе, въ Остзейскихъ—Русскій языкъ, въ Сибири и на Кавказѣ вводится гласный судъ присяжныхъ, пересматривается тарифъ для пониженія пошлинъ, ожидается усиленіе производительности и повышеніе фондовъ: думаютъ возстановить откупную систему, классическое преподаваніе вездѣ распространяется, публичность дѣйствій и плата утверждаютъ нравственность и приличіе, кружки и клубы сливаются съ домашнимъ очагомъ и пр. Голова ходитъ на плечахъ. А тутъ встаютъ новые вопросы: объ отчужденіи государственной собственности, о замѣнѣ войска ополченіемъ, о превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежные и пр.

Не говорю теорія—это ясно—но говорю фантазія, съ легкостію и самонадѣянностію увлеченія улетучиваетъ дѣйствительность и мнимымъ надеждамъ сообщаетъ положительность, а мнимымъ законамъ непреложность истины. Надобно прочесть *L'affaire Clémenceau* Дюма-сына или *m-r de Savur* Фёилье, чтобы видѣть какъ ломаютъ дѣйствительность; надобно прочесть *Die verlorene Handschrift* Фрейтага или *Volkwirtschaft* Дитцеля, какъ жеманится и ломается эта дѣйствительность даже у Нѣмцевъ. Вавилонъ и хаосъ! Беспорядокъ и путаница! Въ жизни и литературѣ, въ жизни частной, общественной, государственной и даже международной. Новое время, давайте новое право! Идетъ революція. Этапамъ 1739, 1815, 1830, 1848 годовъ, нуженъ новый этапъ. Онъ давно бы явился, но величіе его замедляетъ появленіе.

Не доволенъ я новыми порядками; нѣтъ, они составляютъ дѣйствительный успѣхъ человѣческаго развитія и проявленія Божіей истины. Но я не доволенъ тѣмъ, что къ святымъ вещамъ прикасаются грязныя руки; что, прокладывая лучшіе пути, безцѣльно рубятъ необходимый лѣсъ и бесполезно тратятъ милліоны на срытіе горъ и засыпку обходи-

мыхъ болотъ: что, дѣлая однихъ счастливыми, идутъ къ этой прекрасной цѣли по трупамъ и развалинамъ, и что все это дѣлается доктринально, кабинетно, легкомысленно.

Богъ не позволяетъ мнѣ думать о роскоши воспитанія, мною задуманнаго, но я благодарю Господа и за то, что есть. Они не хуже другихъ, лучше многихъ, мнѣ и матери драгоцѣнны. Страшно систематически гнуть эти тропическія созданія, и все мои помышленія направлены преимущественно къ тому, чтобы ихъ сохранить и вырастить. Конечно прежде жизни и здоровья я прошу у Господа благородства и увѣренъ въ Митѣ и Танѣ.

Сегодня, 19 Ноября, отслуживъ литургію, отшелъ отъ сего міра великій святитель Московскій, митрополитъ Филаретъ, величайшій учитель, витія и стражъ восточнаго католическаго ученія. Громко отдастся это событіе въ сердцахъ вѣрующихъ. 86 лѣтъ горѣла эта жизнь, посвященная слову и мысли, вѣрѣ и назиданію. 60 лѣтъ онъ было свѣтильникомъ духовной истины и авторитетомъ церковнаго права. Я познакомился съ покойнымъ въ 1849 г., когда былъ въ Москвѣ обер-прокуроромъ. Съ дѣтства, съ студенчества я привыкъ видѣть въ немъ гениальнаго человѣка, ученѣйшаго іерарха, знаменитаго проповѣдника и государственнаго дѣятеля. Потому я старался сблизиться съ этимъ Московскимъ величествомъ, съ этимъ Московскимъ „владыкою“. (Наричаніе это было собственнымъ именемъ въ устахъ общества и народа). Купечество чтило его какъ святаго. Особенно почитали его свѣтскіе грѣшники и грѣшницы, которыми Москва всегда преизобиловала. Все Москвичи находили его всесторонне-ученымъ и глубокомысленнымъ. Я этого не находилъ, хотя старался сблизиться съ знаменитымъ старцемъ. Признавая всю недоступную библейскую его ученость, я находилъ, что онъ недостаточно открытъ, чтобы быть общимъ источникомъ Божіимъ, что онъ часто слишкомъ букваленъ и вообще одностороненъ. Викарій Леонидъ сообщилъ о сношеніяхъ великаго іерарха съ великимъ поэтомъ, Пушкинымъ. Это какъ-то не вяжется съ сухою и величавою дѣятельностію государственнаго правителя церкви. Намѣстникъ Лавры, архим. Антоній сообщилъ о видѣніи и предсказаніи дня смерти. Являлся ему отецъ и наказывалъ ему 19 число. Съ того времени, 19 Сентября, 19 Октября, онъ приобщался, по исповѣди, святыхъ таинъ, а 19 Ноября, отслуживъ литургію, уснулъ на вѣки. Боюсь, чтобы это видѣніе не утвердило довольно распространенную ересь спиритизма, которая явилась послѣ вертящихся столовъ и поддерживается Московскою праздностію особенно въ кругу старыхъ дѣвъ, какъ княжны Шаховскія.

Ближайшее потомство нашего поколѣнія не безъ удивленія и не безъ усмѣшки прочтеть 183, 188 и 189 (и вѣроятно слѣдующіе) №№ газеты „Москва“ этого года. Основанная Московскими протекціонистами, газета, въ № 183-мъ, осмѣяла и одурачила, самымъ наглымъ образомъ. Петербургскихъ чиновниковъ комисіи, пересматривающей тарифъ 1857 г. Тенгоборскаго. Не довольствуясь агитаціями, Московскіе протекціонисты задумали соединить интересы кармановъ нѣкоторыхъ капиталистовъ съ интересами всего народа и выставили Петербургскихъ дѣятелей, посреди голодающаго народа, какъ толпу весельчаковъ, *облизывающихся* въ праздныхъ словопреніяхъ и Стратбургскихъ пирогахъ и консервахъ. Въ существѣ, Московскіе протекціонисты говорятъ не безъ основанія. Пересмотръ тарифа, черезъ десять лѣтъ, могъ напугать капиталы. Но статья 183 № профессора Бабста написана въ такомъ смыслѣ и въ такихъ выраженіяхъ, что и бѣдное и плохо организованное управленіе дѣлами печати не могло не сдѣлать редактору-издателю Ив. Сер. Аксакову (второе) предостереженіе. „Москва“ напечатала его и въ № 188 (26 Ноября), день похоронъ митрополита, обѣщалась объяснить съ Министерствомъ Внутр. Дѣлъ и отозваться на его предостереженіе. Черезъ день, сегодня, въ № 189 Аксаковъ помѣстилъ свой отзывъ (NB. „За статью Бабста“), за который вѣроятно послѣдуетъ новое предостереженіе, третье, и остановится изданіе газеты во второй разъ. Новое—третье, 29 Ноября, и остановка на 4 мѣсяца.

Обширная статья Аксакова, какъ и все что онъ пишетъ, написана отъ души и съ достоинствомъ, но она въ ноги топчетъ администрацію, насмѣшливо обвиняя ее въ *систематическомъ* преслѣдованіи „Москвы“ и многократно оговаривая отдѣленіе управленія, администраціи, отъ Государя, отъ правительства. Примѣръ Каткова не могъ остаться безъ подражателей. Но подражаніе развиваетъ тему далѣе. Катковъ оправдывался. Литвиновъ, Краевскій, Артаболовскій глотали предостереженія съ робкимъ упрекомъ, захлебываясь (экія словечки просятся подъ перо!) страхомъ за карманы. Аксаковъ не только оправдывается, не только упрекаетъ, онъ обвиняетъ и требуетъ суда. „Мы готовы предстать суду, мы желаемъ суда“. Бѣдный! Онъ и забылъ, что система „предостереженій“, давая свободу печати, отдаетъ ее на произволь администраціи!

Самодержавіе, управленіе, публичный судъ, свобода печати—экія родственныя начѣла. Да, невѣжество народа насъ спасаетъ. Невѣжеству помогаютъ нашъ климатъ и наша бѣдность. Со временемъ нашему времени неурядицы, распущенности и расточительности, погоство, проученое потомство, не повѣритъ. А можетъ быть, и повѣритъ! Во

всякомъ случаѣ, взвѣсивая великія событія, подивится, какъ мало ума и умѣнья положено въ ихъ основаніе.

Постоянное вооруженіе, которое Европа поддерживаетъ съ 1789 г. и особенно усиленно съ 1849, расточительность правительствъ и злоупотребленіе кредитомъ, привели къ несостоятельности и запутали отношенія такъ, что ничего нѣтъ вѣрнаго, прочнаго и точнаго ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ мірѣ. Въ отчаяніи порядка мы живемъ на авось и идемъ замуря глаза на угадъ, испрашивая помощи, то въ тягостныхъ займахъ, то въ безнравственныхъ лотереяхъ, то въ нераціональномъ возвышеніи податей, давящихъ бѣдное населеніе до продажи домашней утвари за постоянныя и безкончныя недоимки *). Государственный порядокъ отражается и въ частномъ. Никогда—развѣ въ 1790 годахъ—не было такъ много случайныхъ паденій и возвышеній обществъ, семействъ и личностей. Покоритель Ташкента, Георгіевскій кавалеръ Черняевъ идетъ въ нотаріусы, купецъ Поляковъ покупаетъ Николаевскую дорогу. Рюминъ, Бернадаки, Кокоревъ, tutti quanti балансируютъ какъ куклы, какъ наши государственные люди, какъ калейдоскопъ. Конечно это неутѣшительно, тяжело; но и посреди этой неурядицы колеблющагося порядка вещей ободрительно то, что, и живя со дня на день, талантъ и постоянный трудъ могутъ рассчитывать на признаніе соответственное и безъ покровительства произвола и силы внѣшней.

Введеніе судебной реформы въ Харьковскомъ округѣ сенаторомъ барономъ Торнау при управленіи министерствомъ графа Конст. Ив. фонъ-деръ-Палена радикально отличается отъ Московскаго. Барону Торнау сочиняетъ рѣчи газета „Вѣсть“. Не совсѣмъ это такъ. Судебная реформа въ Петербургѣ и Москвѣ введена апіористически и будетъ имѣть всѣ тѣ послѣдствія, которыя предсказаны мною въ печатномъ миѣніи, въ Маѣ 1865 г. Въ Харьковскомъ округѣ новые суды сольются со ста-

*) Замѣчательны дѣла объ этихъ взысканіяхъ, напр. Великолуцкое, напечатанное въ 267 № „Судеб. Вѣстника“ 8 Декабря 1867 г. Становой Малькевичъ пріѣзжаетъ, съ *револьверомъ*, для продажи коровы, и его встрѣчаютъ толпы съ крикомъ и гамомъ. Онъ стращаетъ *револьверомъ*, толпа наступаетъ на него, и только присутствіе духа его кучера спасаетъ ревнистаго исполнителя. Дерзость не знаетъ предѣловъ, виновновеніе явное. Главнѣйшіе изъ виновныхъ преданы суду, и по окончаніи судоговоренія судъ составляетъ два вопроса: 1, виновны-ли подсудимые въ сопротивленіи приставу? и 2, сопровождалось-ли оно насиліемъ? Присяжные отвѣчали: на первый *нѣтъ*, на второй—*да*, но заслуживаютъ снисхожденія. Послѣ этой глупости, присяжные принесли отрицательный отвѣтъ на оба вопроса, и подсудимые были оправданы. По словамъ защиты виновать (какъ и въ Калужскомъ дѣлѣ посредника Сухотина), во всемъ виновать *револьверъ*. А Петербургскій прокуроръ Шрейдеръ утверждаетъ, что начальникамъ приходится защищаться *револьверами*.

рыми (по моему предположенію, должны вырости изъ старыхъ). Переходъ будетъ менѣе рѣзокъ, порядокъ замедлится, но не затруднится. Торнау, правда, наговорилъ довольно глупостей объ охранительной обязанности, о судебномъ органѣ *правительства*, о ненарушеніи предѣловъ власти суда, полиціи и администраціи. Все это темные намеки на дѣла Ольхина, Протасьева, Данилова (мировыхъ судей), вѣроятно по непремѣнному приказанію Петербурга. Вѣроятно и въ самомъ ходѣ дѣла Торнау не будетъ счастливъ. Безъ юридическаго образованія, безъ большой судебной практики, дурно обставленный (моя правая рука, Брилевичъ, сказалъ онъ мнѣ 10 Сентября), Торнау невольно подпадаетъ подъ вліяніе болѣе опытнаго и умнаго Шахматова (прокурора палаты), и моя надежда на этого послѣдняго. Онъ любитъ суетиться и умѣетъ лавировать. Опасаюсь я оппозиціи, пререканій, ссоры. Она не только возможна, но и вѣроятна. Съ такимъ слабымъ запасомъ и съ такой правой рукой Торнау, самоувѣренный и щекотливый Нѣмецъ, возстанетъ открыто и надѣлаетъ глупостей.

Послѣ похоронъ великаго іерарха Москва занимается юбилеємъ маленькаго князя Ник. Ив. Трубецкаго, для чего сегодня или вчера прибылъ и маленькій царевичъ, принцъ Петръ Ольденбургскій. Много рѣчей и даже проповѣдей, возгласеній, подарковъ и пѣній. Но праздникъ оправдывается только празднымъ тщеславіемъ нашего времени. Какія заслуги оказалъ кн. Н. Трубецкой? Самъ рескриптъ не могъ высказать ихъ. Уничтоженіе значенія опекунскихъ совѣтовъ, оглашеніе страшной смертности дѣтей, которыми гласно торгуютъ на заставахъ, нигилизмъ въ институтахъ и старое воровство экономовъ,—вотъ заслуга преемника кн. Сергія Михайловича, вотъ титла праздника 5—9 Декабря, этого „торжества гражданства и церкви“, какъ выразился старый богословъ Терновскій, „гражданства и церкви“! Это торжество г. Верховцева, который выдумалъ этотъ юбилей, праздникъ чиновниковъ и экономовъ; но тутъ нѣтъ ни „гражданства, ни церкви“.

Разрѣшено частное учрежденіе высшаго учебнаго заведенія: „Лицей цесаревича Николая“ г.г. Каткова и Леонтьева. Это будетъ нѣчто въ родѣ Греко-латинской академіи, совершенно несвоевременной, или Оксфорд-Кембриджскаго конвикта, совершенно къ намъ и въ Москвѣ непримѣнимаго. Катковъ упрямъ и поставитъ на своемъ. Вѣковые опыты классическаго образованія въ Европѣ дѣлаютъ его глухимъ къ требованіямъ времени, изнуряемаго насущными вопросами экономическими и стремящагося проникнуть въ тайны природы. Онъ готовъ прославлять неповоротливаго академика Наука за тяжелую статью его въ календарѣ на 1866 г. и звать не хочетъ свѣтлой и увлекательной автобіографіи другаго академика, геніальнаго Бера. Греко-латынь есть спе-

ціальность, и полагать ее въ основаніе образованности значить предпочитать односторонность и идти вспять. Я никакъ не рѣшусь отдать моего Дмитрія на воспитаніе Каткову. Сынъ мой будетъ знать полатыни, чтобы изучать Римское право въ источникахъ, но первые два года въ университетѣ онъ посвятить естественнымъ наукамъ и потомъ перейдетъ на факультетъ юридическій и вникнетъ въ связь законовъ природы и естественнаго права законодательствъ. Въ 1868 г., по утвержденіи формъ лингвистики, надобно пригласить профессора Рачинскаго для элементарнаго курса физической географіи и физиологіи.

Вы спрашиваете: читаль-ли я „Conscience et foi“ Кокреля (сына)? Читаль. Это умаленный Ренанъ, пытающійся установить ученіе, какъ г. Ге пытается въ картинахъ „Воскресенія“ и „Вечери“ олицетворить это ученіе реформаци и реформаторовъ, которые вызвали послѣднія энциклики и послѣдній силлабусъ умирающаго католицизма и неподвижнаго ориентализма. Это не церковь и религія: это индивидуальное религіозное чувство, развиваемое по вольной канвѣ наукою и воображеніемъ.

Оканчивается 1867 годъ, подходит высокосный 1868-й. Остановимся на минуту. Чтò это былъ за годъ такой? Общее недовѣріе, повсемѣстное вооруженіе, застой промышленности. Но это было и прежде. Парижская выставка не показала-ли, напротивъ, торжество мирнаго генія промышленности? Нисколько. Это была маска, за которою скрывался законъ объ арміи въ 1,200 тысячъ. Казнь Максимилиана не знаменовала-ли паденія династическаго начала? Нисколько: начало это уже пало. За маскою казни выглядываетъ республиканское движеніе. Пораженіе Гарибальди не есть-ли торжество правильнаго монархическаго порядка. Нисколько; это маска, въ которой проглядываетъ анархія правительствъ, безсиліе существующаго порядка, преображеніе законныхъ управленій въ революціонныя. Папство и Сѣверо-германскій союзъ вотъ ближайшія явленія года, вѣка, продолжающіяся издавна и знаменующія паденіе авторитетовъ и торжество матеріальной силы. Въ этомъ выразилось до сихъ поръ *новое право*, идущее на встрѣчу социализму въ современныхъ реформахъ объ общемъ правѣ политическаго голоса, о сходахъ рабочихъ и ихъ ассоціаціяхъ, въ прокламаціяхъ Мадзини и этой странной, загадочной сектѣ Фекліевъ, у которой голова въ Америкѣ, а руки повсюду. Телеграфы и желѣзныя дороги сдѣлали явленія солидарными. Даже въ Турціи геройское возстаніе Канді отзывается въ Греціи, Черногоріи и Сербіи. Турція и Австрія въ броженіи къ разложенію. Россія тоже въ броженіи, и сильный національный элементъ все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ вліяніе преобладающее. Страшны радикальныя реформы, уже вызвавшія столько казней, столько разореній, столько преступленій, грозяція возстаніями шакѣ и массъ. Наступающій годъ будетъ тяжелъ. Но будемъ молиться и надѣяться.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

На особомъ листѣ.

Сегодня 31 Декабря 1845 г. Я встрѣтилъ новый годъ по обыкновению одинъ, въ чтеніи и въ постоянной мысли о Богѣ и о благоденствіи несчастныхъ, число которыхъ такъ велико и такъ несоразмѣрно съ средствами нашими. Число это соразмѣрно ненасытимои нашей. Прости, Господи, прегрѣшенія моя, направи стопы моя на путь правды и даруй мнѣ прозрѣть мудрость Твою.

On s'imaginait à tort, suivant lui (Napoléon), qu'en France on pouvait tout ce qu'on voulait. C'était une erreur peu honorable pour ceux qui la commettaient, car ils supposaient la France sans conscience et sans opinion. Il ferait, disait-on, tout ce qu'il voudrait; oui, répondit-il, mais il pouvait ce qui était dans le sens des besoins et des opinions régnant dans le moment en France, mais pas davantage. Il le pouvait mieux, plus puissamment qu'un autre, mais il ne pouvait rien contre le mouvent actuel des esprits. Если и Тьеръ это говорить, онъ правъ. Управление есть предупрежденіе нуждъ народа и чѣмъ оно будетъ сообразнѣе, соотвѣтственнѣе съ большинствомъ, тѣмъ оно можетъ быть смѣлѣе, и смѣлѣе, тѣмъ свободнѣе, неограниченнѣе.

Послѣ 22 лѣтняго управленія Министерствомъ Финансовъ графъ Канкринъ, удалившись въ Парижъ, написалъ и издалъ потомъ въ Штутгартѣ: Die Oekonomie der... Gesellschaft und Finantz. Я полагаю, что это сочиненіе писано не въ 1845 г., но прежде. Оно составилось изъ постепенныхъ отрывочныхъ замѣтокъ, которыя, можетъ быть, связаны, соединены въ нѣчто цѣлое при окончательномъ обзорѣнн въ Парижѣ. Это—собраніе практическихъ замѣчаній опытнаго человѣка, и въ этомъ значеніи сочиненіе стараго министра замѣчательно, а можетъ быть даже и полезно. Книга раздѣляется на три части: общую, частную и о финансахъ. Строгой системы и послѣдовательности въ изложеніи нѣтъ. Нѣтъ ни историческихъ, ни догматическихъ подробныхъ изъясненій. Совсѣмъ нѣтъ ни статистическихъ данныхъ, ни положительныхъ доказательствъ. Послѣднія ограничиваются намеками, кое какими указаніями. Очень много номенклатуры. И такъ замѣчательнѣйшее есть то, что сочиненіе писано министромъ графомъ Канкринымъ и что въ немъ нерѣдко встрѣчаются примѣненія къ Россіи и оправданія мѣръ, принимавшихся лишь государственнымъ правленіемъ. Оно писано добрымъ человѣкомъ, христіаниномъ и съ теплымъ и просвѣщеннымъ сердцемъ.